

Авантюрный детектив

Татьяна
Полякова

Сжигая
за собой мосты

Судья ушла далеко в будущее... Рассказана о жизни человека, который в итоге...
В заключение: «Он хотел быть человеком — не так, как мы, но он, человек, был...
и в этот момент...» — это история о том, как человек может стать человеком...

Татьяна Викторовна Полякова
Сжигая за собой мосты
Серия «Авантюрный детектив»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157011
Сжигая за собой мосты: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-22932-1*

Аннотация

Старая узкая улочка в Венеции... Незнакомец в белом балахоне, мелькнувший в толпе... И бездыханное тело самого близкого человека – моего отца... Что это, страшный сон, и я вот-вот проснусь?... Но кошмар и не думал кончаться, он только начался... Именно после смерти папы я узнала, что в нашей семье есть какая-то тайна. Пытаясь разгадать ее, и погиб мой отец. Ключ к ней – пачка старых писем и записная книжка. За ними идет настоящая охота, – второй жертвой которой стала моя мачеха. Теперь из родных у меня осталась только сестра. А я все чаще вспоминаю слова, сказанные отцом перед смертью: у нас есть враг – некто Макс фон Ланц. И вот когда рухнул мой мир, когда мне нужно думать только о том, как остаться в живых, нас с сестрой угораздило влюбиться... По самые уши, да еще в одного и того же парня...

Содержание

Татьяна Полякова	4
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Татьяна Полякова Сжигая за собой мосты

*Но только она одна может заставить его сердце плакать...
«Аль Пачино» («Банд'эрос»)*

Отец хотел, чтобы я ехала первым классом. Он любил повторять: «Ты должна выбирать все самое лучшее». По мне, так и второй совсем неплох, вся разница в том, что в первом классе приносят скверный кофе, по крайней мере здесь, в скором поезде, на успевшем стать привычным отрезке пути от Болоньи до Венеции. Однако я все-таки купила билет в первый, зная, что отец будет встречать меня на вокзале и, разумеется, ему не понравится, что я его ослушалась.

Последнее время мы виделись не часто, уже четвертый год я жила в Италии, училась в Болонском университете. Отец остался в России, у него давно была другая семья. Моя мать умерла, когда мне было четырнадцать, с отцом они развелись через два года после моего рождения. Когда случилось несчастье, меня хотела забрать к себе тетка, но папа настоял, чтобы я жила с ним, то есть в его семье. Как ни странно, эти несколько лет теперь казались мне самыми счастливыми в моей жизни. Рядом был отец, сводная сестра, с которой мы очень подружились, несмотря на разницу в пять лет, что в таком возрасте весьма существенно. С Музой, женою отца, отношения сложились тоже на редкость хорошие. В общем, о том времени я неизменно вспоминала с большой теплотой. Это вовсе не значит, что в Италии мне жилось плохо. Нет. Напротив. Мне все здесь нравилось или почти все. Но семьи все-таки не хватало, потому я при каждом удобном случае отправлялась домой и очень радовалась редким приездам отца.

Вчера он позвонил довольно поздно, ближе к одиннадцати вечера, и сообщил, что прилетел в Верону. Обычно о своем приезде он предупреждал заранее, и этот неожиданный звонок меня слегка удивил.

– Что-нибудь случилось? – на всякий случай спросила я.

– Нет, все в порядке, – поспешно ответил он. – Не смог отказать себе в удовольствии повидать тебя, оттого и собрался за три дня.

Отец занимался бизнесом, в Италии у него были деловые партнеры, так что его слова меня не удивили.

– У меня мало времени, я не смогу приехать в Болонью.

– Хочешь, чтобы я приехала? – спросила я.

– Хочу, только не в Верону, а в Венецию. У меня там встреча с одним человеком.

– Хорошо, я приеду, – ответила я.

– Извини, если нарушил твои планы, – засмеялся отец.

– Даже если бы и нарушил, я все равно очень рада, что увижу тебя.

В общем, это был ничем не примечательный разговор, и, отправляясь в Венецию, я и подумать не могла, чем закончится моя поездка.

Я пила скверный кофе, смотрела в окно и радовалась предстоящему свиданию. А еще пыталась угадать, как встретит меня Венеция. В смысле погоды этот город еще более непредсказуем, чем Санкт-Петербург, где я жила некоторое время до смерти мамы.

– Обещали солнце, – будто читая мои мысли, сказала сидящая рядом со мной дама лет семидесяти, поглядывая в окно.

Последний раз я была в Венеции месяц назад, в феврале. Тогда город окутал туман, да такой, что в двух метрах от себя ничего не увидишь. Прогулка не доставила мне удовольствия, и большую часть времени я провела в музеях.

Я достала книгу и, устроившись поудобнее, начала читать, то и дело возвращаясь мыслями к отцу. Жаль, что мы будем вместе всего несколько часов. Потом подумала, что впереди каникулы, я смогу поехать домой... Подруга предлагала отправиться в Париж, впрочем, эта поездка займет неделю, не больше, а потом к родным...

Поезд чуть сбавил ход, и за окном показалась ровная гладь воды под ярким мартовским солнцем. Санта-Лючия. Пассажиры оживились, самые нетерпеливые доставали багаж, дама рядом со мной удовлетворенно кивнула:

– Солнце. Прекрасный день.

Наконец поезд замер на перроне. Я вышла из вагона одной из первых и сразу же увидела отца. Он стоял в нескольких метрах от меня в светлом плаще нараспашку, махнул мне рукой и шагнул навстречу. Мы обнялись, поцеловались, он отошел на шаг, не выпуская меня из объятий, и сказал весело:

– Господи, какая ты взрослая... и настоящая красавица.

– Взрослая? – хихикнула я. – Хочешь сказать, что время быстро бежит и я уже успела постареть?

– В твоём возрасте, дорогая, смешно говорить о старости.

– В твоём тоже, – улыбнулась я.

– Лучше бы ты не напоминала об этом, – покачал он головой. – Грустно это сознавать, но твой отец уже старик, что бы ты ни говорила в припадке дочернего великодушия.

– Ты отлично выглядишь, – заверила я, ничуть не покривив душой. Отец отметил свое шестидесятилетие три года назад, но выглядел лет на десять моложе. Высокий, подтянутый, в темно-каштановых волосах седины почти нет, карие глаза смотрят на мир с любопытством. Янка, моя сестра, утверждала, что волосы отец красит; если это и так, то правильно делает.

Однажды в ресторане нас приняли за любовников, отца это разозлило, а мне, напротив, показалось забавным.

– Давай твои вещи, – сказал он, продолжая улыбаться.

– Какие вещи? У меня в рюкзаке только книга и бутылка воды.

– Путешествуешь налегке?

– Ты же сказал, что сегодня уедешь?

– Да, к сожалению.

Болтая, мы пересекли вокзал и вышли к каналу.

– Какие у тебя планы? – спросила я.

– В пять у меня встреча. До этого времени я свободен. Правда, есть еще небольшое дельце. Надо навестить одного знакомого, он живет тут неподалеку. Ты не против прогуляться?

– Нет, конечно. Рассказывай, как там Янка, как Муза?

– Подозреваю, о Янкиных делах ты знаешь больше, чем я. Судя по телефонным счетам, она звонит тебе каждый день.

– Трижды в неделю, – улыбнулась я. – И трижды звоню я.

– Рад, что у вас такие отношения, – серьезно сказал отец.

– Мы же сестры.

– Да, конечно. – Отец вдруг нахмурился. Теперь, приглядываясь к нему, я поняла, что он чем-то озабочен.

– У тебя правда все в порядке? – нерешительно спросила я.

– Конечно, – кивнул он. – Я не стал бы тебе врать. Ты ведь мой лучший друг.

По мосту мы перешли на другую сторону канала, нас сразу же подхватил поток туристов.

– Где живет твой знакомый? – задала я вопрос, стараясь не отстать от отца: он шел очень быстро, поглядывая по сторонам, точно кого-то высматривая в толпе.

– Всего в трех шагах отсюда у него антикварный магазин.

– Ты стал интересоваться антиквариатом? – удивилась я. Как ни странно, вопрос вызвал у отца легкое замешательство.

– Нет, просто хотел поболтать со знакомым.

Наличие у отца знакомых в Венеции меня удивило. За три с половиной года, что я в Италии, отец приезжал раз шесть, не больше, в основном в Верону, где, собственно, и находились его поставщики. По-итальянски отец говорил неплохо и в переводчике не нуждался, но, приезжая сюда, старался как можно больше времени проводить со мной. Он сказал «знакомый», следовательно, предстоящая встреча вряд ли будет деловой. Я хотела расспросить его об этом знакомом, но потом решила: не стоит, раз уж скоро я сама его увижу.

Пройдя вперед еще метров пятьсот, мы свернули направо и оказались в узкой улочке, где дома лепились друг к другу, а от окна до окна напротив можно было достать рукой. На ближайшем доме висела вывеска «Антиквариат», над дверью балкончик, заставленный горшками с геранью.

– Ну, вот мы и пришли, – кивнул отец на вывеску. – Послушай, ты ведь, наверное, голодна, нам нужно было сначала где-нибудь перекусить...

– Не волнуйся, с голода я не умру. Что у тебя здесь за знакомый? – все-таки не выдержала я.

– Сейчас узнаешь, – усмехнулся отец. – Занятный тип, кстати сказать.

Он первым направился к двери, толкнул ее, звякнул колокольчик, и мы вошли в маленький магазинчик. Комната метров тридцать была заставлена старой мебелью, на которой громоздились тарелки, горшки, подсвечники, вазы, старые куклы в затейливых платьях. На стенах висели гравюры попеременно с фотографиями в изъеденных жучком деревянных рамах. Посреди всего этого хаоса стояла конторка, рядом с которой в кресле сидел сухонький старичок. Седые волосы в разные стороны, под ними видна кожа, покрытая крупными темно-коричневыми пятнышками. Лицо старика изрезано глубокими морщинами, довольно внушительных размеров нос, а вот рот был до того мал и узок, что с трудом угадывался. Самым замечательным у него были глаза: большие, с набрякшими веками, они не потеряли своей небесной синевы и казались на этом лице чем-то инородным, неприлично молодым. Выпуклый лоб украшали очки в роговой оправе.

Услышав, как звякнул колокольчик, старик повернулся к нам и водрузил очки на нос.

– Добрый день, – сказал он приветливо.

– Добрый день, – ответил отец, подходя ближе.

Вне всякого сомнения, это не было встречей двух старых приятелей: до тех пор пока отец не подошел почти вплотную, старик вежливо улыбался, приглядываясь к нам, как видно приняв нас за потенциальных покупателей. Может, зрение у него было совсем плохим? И по голосу отца он тоже не узнал. Но улыбка сползла с его лица, как только папа представился. Старик кивнул, поднялся, опираясь на подлокотник кресла, и протянул ему руку.

– Наконец-то, – сказал он ворчливо.

– Извини, не смог приехать раньше, – ответил отец. – Как твои дела?

– До сих пор жив, как видишь, – засмеялся старик. – Чего еще желать в моем возрасте? Сердце на днях прихватило, боялся помереть раньше, чем ты появишься. Это твоя дочь? – кивнул он в мою сторону.

– Да. Что, похожа на меня?

– Не знаю. Просто вряд ли ты сюда привел бы кого-то другого.

– Бумаги у тебя? – спросил отец.

– Конечно.

К этому моменту я с большим интересом прислушивалась к разговору, он показался мне довольно странным, если не сказать загадочным. Отец посмотрел на меня и мягко предложил:

– Выбери себе что-нибудь на память.

Я сообразила, что от меня попросту хотят избавиться, и с некоторой обидой отошла к противоположной стене магазина. Обида была простительна, я, как и большинство людей, любопытна. Отец склонился к старику, и тот очень тихо что-то говорил ему. Отец хмурился, время от времени кивая и делая вид, что разглядывает статуэтки на полке. Я наблюдала за ними. Он в очередной раз кивнул и выпрямился. Старик, сделав пару шагов к конторке, отпер ключом один из ящиков и достал обычный конверт из желтоватой бумаги и протянул отцу.

– Что-нибудь выбрала? – спросил тот, взяв конверт и поворачиваясь ко мне.

– Вряд ли мне захочется здесь что-нибудь купить.

Теперь я стояла рядом с отцом и хорошо видела конверт в его руках, он постукивал им по ладони и, похоже, совсем меня не слушал.

– Да? – с сомнением спросил он по-русски. – Жаль. Мне казалось, тебя что-нибудь заинтересует.

Больше всего в тот момент меня интересовал вопрос, что ему здесь понадобилось, но задавать его я не спешила, будет еще время. Отец, точно опомнившись, достал из внутреннего кармана пиджака другой конверт с названием отеля на нем и протянул его старику. Почему-то я была уверена, что в конверте деньги, и это еще больше заинтриговало меня. Старик взял его, высохшая старческая рука с искалеченными артритом пальцами тоже была сплошь покрыта темными пятнами. Металлический браслет часов был ему великоват, часы сползли к самой кисти, и я обратила внимание на татуировку, которая до этого была скрыта под ними. Свастика. Я невольно нахмурилась. Старик убрал пакет в ящик конторки, а отец сунул свой в карман пиджака. Антиквар посмотрел на меня и улыбнулся.

– До свидания, – сказал ему отец и направился к двери.

Тот кивнул в ответ и опустил в кресло, вроде бы потеряв к нам интерес.

Мы вышли на улицу. Колокольчик за моей спиной вновь мелодично звякнул.

– За углом есть очень симпатичное кафе, – сказал мне папа. – Выпьем кофе, поговорим. Времени достаточно.

Я бы предпочла прогуляться, но наш визит к старику очень меня заинтриговал, и я согласно кивнула: задавать вопросы, сидя друг против друга в кафе, куда удобнее, это больше располагает к доверительной беседе.

В зале были заняты почти все столики, мы устроились возле окна, которое выходило на канал. Мимо прошла группа японских туристов, громко о чем-то разговаривая, их голоса были слышны даже здесь. Мы не спеша сделали заказ, официант отошел, улыбнувшись нам, а я отправилась мыть руки. Туалет находился за дверью в глубине зала. Возвращаясь, я увидела: отец держит в руках лист бумаги и внимательно что-то читает. Возле его локтя на столе лежал конверт, тот самый, что он взял у старика. Почувствовав мой взгляд, он обернулся, быстро свернул листок, убрал его в конверт и сунул в карман пиджака чересчур поспешно, будто не хотел, чтобы я его увидела.

– Меня просто распирает от любопытства, – засмеялась я, садясь напротив.

– Ты о чем? – делано удивился отец.

– Я и предположить не могла, что у тебя есть знакомые в этом городе.

– Вот как? – Отец пожал плечами, и стало ясно: он вовсе не собирается развивать эту тему.

– Занятный старик, – не отставала я: уж очень сильно было любопытство.

– Обычный, – усмехнулся отец.
– У него на руке татуировка. Ты заметил?
– Конечно. Не забывай, Италия – родина фашизма, так что это, скорее всего, грехи молодости.

– Он такой старый?
– Если не ошибаюсь, в сорок пятом ему было девятнадцать.
– Вы давно знакомы?
– Виделись до этого пару раз. Меня познакомил с ним приятель.
– Мне кажется, тебя раздражают мои расспросы, – помолчав, заметила я.
– Вовсе нет, – покачал он головой и как-то странно посмотрел на меня. Точно прицениваясь. Или размышлял, стоит ли продолжать.
– Ты дал ему деньги?

На этот вопрос отец отвечать не спешил, уставился в окно, наблюдая за бесконечной вереницей туристов.

– Извини, что я так настойчива, – вздохнула я. – Просто... просто все это выглядело... необычно, – я с трудом нашла подходящее слово.

– Вот что, – вдруг сказал он, поворачиваясь ко мне. – Запомни, пожалуйста, следующее. Если вдруг рядом с тобой появится человек по фамилии фон Ланц... Макс фон Ланц... впрочем... – Отец опять отвернулся к окну и замолчал.

– Фон Ланц? Имя какое-то опереточное, – сказала я, сгорая от любопытства, но теперь вместе с ним появилось беспокойство. Я смотрела на хмурое лицо отца, и беспокойство крепло, пока не вытеснило любопытство. – Папа, в чем дело? – сердито спросила я.

– Главное, чтобы ты помнила... – вздохнул он. – Этот человек враг. Мой враг. И твой тоже.

– Враг? – растерялась я. – У тебя неприятности?
– Нет-нет, – возразил он и улыбнулся, взял мою ладонь и легонько сжал ее. – Я, кажется, напугал тебя. Все в порядке. Я говорю это на всякий случай, чтобы ты знала. Вряд ли он появится здесь, и все же...

– Кто он такой? – не выдержала я. – Прекрати говорить загадками. Объясни, что происходит, что в этом конверте?

– Очень много вопросов, – засмеялся отец. – А я далеко не на все смогу ответить.
– Ты сказал, что он вряд ли здесь появится, – не отступала я. – А если все-таки появится, что я должна делать?

– Ничего, – развел он руками. – Просто знай, это враг.
– Ты разыгрываешь меня, да? – спросила я со злостью.
– Нет. Сейчас я не могу сказать тебе больше. У меня были предчувствия в отношении этого типа, сегодня они подтвердились.

– Ты имеешь в виду конверт, который передал тебе старик?
– Да. Я просил навести о фон Ланце справки, и вот... мои подозрения оказались не напрасными.

– Это касается твоего бизнеса? – нахмурилась я, не понимая, почему бы отцу не объяснить мне, в чем тут дело.

Он опять покачал головой.

– Бизнес здесь ни при чем. Пожалуй, мне не стоило... извини. Забудь о том, что я успел тут наговорить. Я сам ни в чем не уверен, обещаю, как только смогу, расскажу тебе все об этой истории, все, что сам знаю. Возможно, мне даже понадобится твоя помощь. Ты ведь свободно владеешь немецким?

– Да, – пожала я плечами.

– Молодец. А я с большим трудом могу изъясняться, – засмеялся он.

- Если хочешь, дам тебе несколько уроков, – улыбнулась я.
- Непременно. У тебя талант к языкам.
- Ага. Но мой английский оставляет желать лучшего.
- Уверен, ты преувеличиваешь. Как твоя учеба?

Мне стало ясно, что отец спешит перевести разговор на другую тему, я досадливо поморщилась, но возражать не рискнула, очень хорошо его зная: если он решил молчать, приставать к нему с расспросами напрасный труд. Но беспокойство не проходило, и я все-таки спросила:

- У тебя действительно все в порядке?

– Я бы не стал от тебя скрывать, будь иначе, – серьезно ответил он. – Все это касается... – Он замолчал. – Это имеет отношение к моей матери, твоей бабушке. Давняя история, которая не дает мне покоя. Сейчас появилась возможность в ней покопаться.

- И для этого тебе понадобилось приехать в Италию? – вытаращила я глаза.

Моя бабушка, насколько я знала, всю жизнь прожила в одном городе, практически его не покидая, и отличалась отсутствием какой-либо склонности к перемене мест.

- Когда я смогу объяснить, в чем дело, ты все поймешь.

– А нельзя объяснить сейчас? Ты меня заинтриговал, хуже того, я теперь здорово за тебя беспокоюсь.

– Я бы хотел для начала сам что-нибудь понять, – вздохнул отец. – А повода для тревоги нет, уверяю тебя. Просто я чересчур увлекся нашей родословной.

- И в результате у тебя появились враги? – удивилась я.

– Да, именно так. Есть тайны, которых опасно касаться и через несколько десятилетий.

– Может, тогда в самом деле не стоит ворошить прошлое? – спросила я с сомнением.

– А любопытство? – ответил отец и звонко рассмеялся.

– Ладно, – проворчала я. – Давай говорить о моей учебе.

В кафе мы пробыли часа два. Тревога понемногу оставила меня. Отец взглянул на часы, я, конечно, обратила на это внимание.

- Где у тебя встреча? – спросила я.

– Недалеко от Риальто. Пожалуй, нам пора.

– Сколько, по-твоему, продлится ваш разговор?

– Час, не больше. Чем ты собираешься заняться?

– Провожу тебя, если не возражаешь, потом пройду до Сан-Марко. Мы могли бы встретиться там.

– Отличная идея. Так и сделаем. Я позвоню тебе, как только освобожусь.

Отец расплатился, и мы покинули кафе. По узким улочкам направились в сторону моста. Заблудиться в местных лабиринтах ничего не стоило, если бы не стрелки с надписью «Риальто», которые то и дело бросались в глаза.

– Ужасный город, – заметил отец.

– Ужасный? – не поняла я.

– Ты смогла бы здесь жить?

– Вряд ли, летом тут нечем дышать, зимой туман. Сырость действует мне на нервы.

– Вот-вот. Я не понимал, как твоя мать способна переносить Питер, а в Венеции больше одного дня попросту бы не выдержал.

– Наверное, можно привыкнуть.

– Наверное, но я предпочел бы менее экзотическое место. Мне больше по душе Рим, там хоть чувствуешь землю под ногами, – отец засмеялся.

– Ты улетаешь завтра?

– Да. Рано утром.

– Я могла бы поехать с тобой в Верону.

– Не стоит. Завтра у тебя занятия, а в поездах меня всегда клонит в сон, так что... Скоро каникулы, приедешь домой, и мы успеем наговориться.

Я не стала возражать, в самом деле, глупо тащиться в Верону, чтобы завтра с утра опять трястись в поезде. Мы вышли к мосту и сразу оказались в толпе туристов. Отец взглянул на часы.

– Что ж... ты пойдешь пешком или поедешь на трамвайчике?

– Разомнусь немного, – ответила я.

– Я позвоню, – сказал он, целуя меня, и махнул рукой на прощание.

Он остался на мосту, а я пошла дальше, не забывая поглядывать на стрелки, намалеванные на домах, теперь над ними значилось «Сан-Марко».

Я шла довольно быстро, радуясь солнечному дню. Как всегда, площадь возникла неожиданно. Узкая улочка вдруг закончилась, и впереди показалась стена собора. Здесь было так шумно, что от разноязычного гомона толпы закладывало уши. Из-за дождей, которые шли несколько дней подряд, вода поднялась, идти приходилось по деревянному настилу. Перед входом в собор выстроилась длинная очередь, я обогнула ее, и в этот момент зазвонил мобильный.

– Да, папа, – ответила я.

– Жанна, мои планы изменились. Мне придется уехать раньше.

– А в чем дело?

– Мой приятель не смог приехать сюда. Возможно, нам удастся встретиться в Вероне.

– Ты расстроен?

– Вовсе нет. В крайнем случае поговорим по телефону. Жаль, что наше свидание с тобой вышло таким коротким. Извини, что тебе пришлось тащиться сюда из Болоньи всего на несколько часов.

– Я успею тебя проводить?

– Полтора часа у меня еще есть.

– Отлично. Жди меня на мосту, я сейчас подъеду.

Я направилась к остановке трамвайчика, жалея, что не успела покормить голубей, взглянула на громаду собора и дала себе слово приехать сюда в ближайшие выходные.

Я купила билет в кассе, через минуту подошел сорок второй трамвай, я заняла место на носу судна, и через минуту оно отчалило. Туристы защелкали фотоаппаратами, слева появилась церковь Салюте, и мы вышли в Большой канал. Я вертела головой, повторяя про себя названия палаццо, мимо которых мы проплывали, и думала о том, что привыкнуть к этой красоте невозможно. Я бы точно не хотела привыкать. В некоторых городах приятно жить, а некоторыми надо любоваться. Как Венецией.

Путешествие заняло совсем немного времени, впереди показался мост Риальто, возбуждение среди туристов нарастало, фотоаппараты щелкали беспрестанно, а я увидела отца. Облокотившись на каменные перила, он смотрел в воду, стоя ближе к остановке трамвая. Я приподнялась и замахала руками, он поднял голову, увидел меня и махнул мне в ответ. Трамвай сбросил скорость, направляясь к берегу, где царила невообразимая толчея. По-прежнему стоя на носу судна, я видела, как отец идет в сторону остановки, решив встретить меня. Он уже дошел до ступеней моста, когда мое внимание привлекла фигура рядом с ним. Высокая, нелепая, в белом балахоне, капюшон надвинут на лицо, полностью закрывая его, в капюшоне прорези для глаз и рта. Это была одна из тех живых фигур, которые можно встретить в многолюдных местах. В самых невероятных одеждах они замирали где-нибудь на площади, вызывая у прохожих любопытство, а иногда испуг, когда такая вот фигура вдруг неожиданно начинала двигаться.

Эта сейчас двигалась чересчур активно, тенью следуя за отцом. Он, кажется, вовсе не обращал на нее внимания. Начал спуск по лестнице, но белый балахон почему-то вызвал у меня беспокойство, показавшись довольно зловещим, может, из-за сходства капюшона с куклуксклановским. «Какой-нибудь попрошайка», – подумала я, но то, что он неотступно следует за отцом, тревожило меня.

Трамвайчик причалил, пассажиры заспешили к выходу, я стояла в образовавшейся очереди, переминаясь с ноги на ногу. Попыталась вновь обнаружить в толпе отца, но из-за того, что люди вокруг стояли плотной массой, сделать это было невозможно. Наконец я вышла на берег, сделала несколько шагов и начала оглядываться. Поток людей направлялся к мосту, я вертела головой, но отца так и не увидела.

Через пару минут, когда толпа несколько поредела, я направилась к ступеням моста, решив, что папа ждет меня там. Я-то была уверена, что он будет ожидать меня возле остановки трамвая, но, наверное, ему не захотелось толкаться в толпе, и он предпочел вернуться на мост, хотя и там народу было в избытке.

Поднимаясь по ступенькам, я вновь начала оглядываться и тут заметила белый балахон – он очень поспешно скрылся в одной из узких улочек. Я с удивлением поняла, что наблюдаю это, сжав зубы, точно только что упустила своего злейшего врага.

Я поднялась на мост, решив, что с самой высокой точки непременно замечу отца. Или он заметит меня и поторопится навстречу. Я стояла у самого парапета, хмурилась, чувствуя, как тревога все больше и больше овладевает мной, потому что отца я так и не нашла. Куда же он делся?

Я достала мобильный и набрала отцовский номер. Он не ответил, и это показалось еще более странным. Может, в том шуме, что царит вокруг, он попросту не слышит звонка? Наверное, мы просто разминулись с ним. Не желая толкаться в толпе туристов, отец свернул в какую-нибудь улочку и не заметил, как я прошла мимо. Но теперь он непременно бы меня увидел. Однако мысль о том, что он где-то там, внизу, в тот момент показалась мне вполне вероятной, по крайней мере она хоть как-то объясняла папино странное исчезновение.

Я вспомнила белый балахон, и мне вновь сделалось не по себе. Я опять набрала номер отца и стала быстро спускаться, насколько это позволяла толпа. Отец не ответил. «Наверное, он, как и я, бестолково мечется в людском потоке, не слышит звонка и уже теряет терпение», – успокаивала я себя. Тогда почему бы ему самому не позвонить мне? Я надеялась, что максимум через пять минут увижу его и все разрешится самым банальным образом. Я опять оказалась на набережной, отца здесь не было, очередной трамвайчик только что отчалил, поток людей схлынул, и не увидеть друг друга мы просто не могли. «Ему давно пора мне позвонить, – со страхом подумала я, но тут же одернула себя: – Телефон у него мог разрядиться». Я опять вспомнила фигуру в балахоне, он мог быть уличным воришкой. Вдруг мобильный у отца украли? Мысль о белом балахоне не давала покоя, и я попробовала сообразить, в какую из улочек он свернул. Кажется, в эту.

Улочка оказалась совсем узкой и совершенно пустой, скорее всего, она заканчивается тупиком, оттого здесь и нет прохожих. Уже не пытаясь бороться с паникой, я вновь набрала номер, слушала гудки и досадливо кусала губы. И тут некий звук привлек мое внимание: где-то совсем рядом звонил телефон. Звук был приглушенный, но вполне различимый.

В этот момент я свернула за угол и едва не споткнулась. Прямо на земле сидел отец, привалившись спиной к стене дома. Ноги у него были как-то странно поджаты, словно он намеревался свернуться калачиком в приступе сильной боли. Телефон в его кармане отчаянно звонил, и я поняла, что все еще держу трубку возле уха.

– Папа, – испуганно позвала я, решив, что ему стало плохо, и наклонилась к его лицу. И тут же отпрянула, потому что сразу поняла – он мертв. Но смириться с этим было невы-

носимо, и я жалобно позвала: – Папа... – и даже схватила его за плечо, точно это могло привести его в чувство.

Его тело безвольно откинулось, и я увидела залитый кровью пиджак, несколько капель попало на светлый плащ. Слева в груди торчала рукоятка ножа, я смотрела на нее, пытаюсь осознать, что произошло, и тут услышала шаги сзади, резко обернулась, ожидая увидеть белый балахон, но за моей спиной стояла пожилая дама. Она видела отца, но вряд ли поняла, что он убит, потому что заботливо спросила:

– Синьору плохо?

– Вызовите полицию, – пробормотала я.

Мой сбивчивый рассказ вряд ли что-то прояснил для итальянских полицейских, что, собственно, не удивительно, раз я сама ничего не могла понять. Кто и по какой причине убил моего папу здесь, в Италии, вдали от Родины, где, как я знала, у него не было ни врагов, ни каких-то проблем? Версия ограбления была отмечена сразу: бумажник остался в кармане отца, в нем оказалась довольно внушительная сумма денег, паспорт и кредитные карточки. Мой рассказ о белом балахоне вызвал у полицейских пожатие плеч. Как я уже говорила, ряженных на площади было немало, значит, придется искать иголку в стоге сена, тем более что лицо неизвестного было скрыто. Но я была уверена, что он имеет к убийству отца прямое отношение: он вертелся за его спиной на мосту, спускался следом по ступенькам, и я видела, как он свернул в улочку, где я обнаружила папу. Хотя с уверенностью утверждать, что это та самая улочка, я не могла.

Полицию больше интересовала причина убийства, а я ломала голову над тем, зачем отец свернул на эту улицу, раз собирался встретить меня. Что произошло, почему он это сделал? Заподозрил что-то? Испугался? И поспешил выбраться из толпы? Ударить ножом человека в толпе, конечно, легко, но пустынная улица в этом смысле не безопаснее. Вдруг отец хотел проверить свои подозрения, вот и свернул, и балахон последовал за ним?

Полицейские хмурились, я сидела, погруженная в свои мысли. С нашим консульством уже связались, а то, как вели себя стражи порядка, было вполне объяснимо: неприятности никому не нужны. Наверное, они и меня вполне могли подозревать, но не торопились высказывать это вслух, а я сидела совершенно оглушенная. Гибель отца вызвала настоящий шок, именно этим я объясняю тот факт, что не вспомнила о конверте. Я отвечала на вопросы и пыталась понять, почему отец не пошел мне навстречу, а свернул на эту улицу, почему не позвонил?

Через несколько часов меня отпустили, как видно, решив, что толку от меня все равно не будет. Покинуть Венецию я пока не могла, следовало позаботиться о ночлеге.

Консульство приняло самое горячее участие в моей судьбе, и вскоре я оказалась в гостинице недалеко от вокзала, на который прибыла утром. Гостиница была старой, небольшой и уютной. Я вошла в маленький номер: три на четыре метра, окно почти до пола, кровать, шкаф, стол, телевизор, прикроватная тумбочка, в узкое пространство между кроватью и окном умудрились втиснуть кресло. Я легла, зажмурилась, как будто надеясь, что все происшедшее вдруг окажется дурным сном, и только тогда вспомнила про конверт.

Ну конечно. Никто о нем ничего не сказал, выходит, в карманах его не нашли. Что же получается? Убийца охотился за конвертом? Я вскочила и уже потянулась к телефону с намерением звонить в полицию, поражаясь тому, как я могла забыть о конверте, и злясь на себя за это, но почти сразу отдернула руку. Прежде чем звонить, не лучше ли встретиться со стариком, от которого отец этот конверт получил? Возможно, антиквар объяснит мне многое...

Я подумала, что его магазин совсем рядом. Время, конечно, позднее, но, возможно, мне удастся узнать номер его домашнего телефона и позвонить. Я обулась, схватила сумку и через пять минут уже выходила из здания гостиницы.

Я была уверена, что лавку старика найду без труда, но на это ушло гораздо больше времени, чем я ожидала. Прежде всего, я свернула не в тот переулок и довольно долго плутала, прежде чем поняла, что заблудилась. Пришлось вернуться к каналу и повторить наш с отцом путь. Наконец я увидела магазин. На стеклянной двери висела табличка «Закрыто», за окном темнота. Я прижалась к стеклу, силясь хоть что-то разглядеть в глубине магазина, и подергала дверь. Она была заперта. Понимая, что все мои действия, скорее всего, бесполезны, я громко постучала, потом обнаружила возле двери кнопку звонка и нажала ее. Я услышала где-то в глубине помещения надоедливый трезвон. «Придется ждать до утра, – досадливо решила я и вновь удивилась: как я могла забыть о конверте, о старике и не рассказать об этом в полиции? – Надо сделать это немедленно, – подумала я. – Они допросят его...» Впрочем, хорошо зная итальянцев, я была уверена: ранее утра никто этим заниматься не станет.

В полицию я звонить не стала, нашла визитку, что дал мне мужчина из нашего консульства, и позвонила ему. Он ответил сразу.

– Дмитрий Сергеевич, – взволнованно начала я; мне показалось или он действительно тяжело вздохнул? Скорее всего, так и было, он наверняка проклинал на все лады идиота, убившего здесь его соотечественника, тем самым создав ему столько хлопот.

– Слушаю вас, Жанна Александровна. – Голос его звучал с преувеличенной заботой, впрочем, возможно, я просто придиралась к человеку.

– Я кое-что вспомнила, – выпалила я и принялась торопливо рассказывать о встрече с антикваром.

Мой рассказ его явно не порадовал. Он не мог взять в толк, как я могла забыть об этом. Наверное, я бы на его месте тоже усомнилась в правдивости моих слов. Создавалось впечатление, что я выдумала эту историю только что с неясной целью. Хотя если заподозрить меня в причастности к убийству, то цель, само собой, очевидна. Мне такие подозрения казались глупостью, но у него, как и у полиции, на сей счет могло быть другое мнение.

– Где вы находитесь? – спросил он и вновь вздохнул, услышав:

– Возле лавки этого старика. Я боялась, что не найду ее, но... Что мне делать, звонить в полицию?

– Я сейчас приеду, – голосом мученика заявил он. – Вы пока ничего не предпринимайте, подождите меня где-нибудь в кафе. Говорите адрес...

Мне пришлось вернуться к началу улицы, чтобы прочитать ее название, я убрала телефон и направилась в кафе, что было в соседнем доме, но, не удержавшись, вернулась к двери в лавку и еще раз нажала кнопку звонка.

– Что вам нужно? – услышала я и от неожиданности вздрогнула. Из дома напротив за мной наблюдала женщина, стоя возле открытой настежь двери.

– Извините, – пробормотала я. – Мне необходимо поговорить с пожилым синьором, хозяином магазина.

– Магазин закрыт, – ответила она.

– Да, я знаю, но мне действительно очень надо его увидеть.

Женщина пересекла узкую улочку и теперь стояла рядом со мной, но смотрела не на меня, а на дверь лавки.

– Странно, – тряхнув головой, заметила она и повернулась ко мне. – Он всегда закрывает ставни. Вот что, идемте со мной...

Пока я пыталась понять, что происходит, она свернула к калитке рядом с домом, набрала код на замке, и мы вошли в маленький дворик, здесь тоже росла герань в горшках и еще какие-то цветы, названия которых я не знала. Женщина стала торопливо объяснять:

– Он живет на втором этаже, сейчас должен быть дома. Он практически никуда не отлучается, особенно вечерами.

Мы подошли к двустворчатой двери, она казалась очень старой, как и весь дом, впрочем, в Венеции все имеет такой вид. Краска на двери изрядно облезла, рядом был звонок, женщина позвонила и стала ждать, задрав голову. Над дверью было окно, скорее всего, она ожидала, что в нем появится хозяин. Но этого не произошло. Женщина перевела на меня озадаченный взгляд.

– Очень странно, – пробормотала она.

– У него есть родственники? – спросила я.

– Нет, семьи у него никогда не было, сколько помню, он всегда жил один.

– Может быть, позвонить в полицию? – неуверенно предложила я и добавила: – Вдруг ему стало плохо?

– У меня есть ключ, – подумав, ответила женщина. – Дважды в неделю я убираю у него, хожу за продуктами.

Кажется, она не решалась воспользоваться ключами от квартиры, но беспокойство за старика все-таки пересилило. Женщина еще раз позвонила и, убедившись, что на звонок хозяин не реагирует, достала ключ. Она первой вошла в узкий коридор, который начинался за дверью. Я начала с любопытством оглядываться: прямо напротив была лестница на второй этаж, слева дверь, она-то и привлекла внимание женщины.

– Дверь открыта, – прошептала она и испуганно замерла.

– Куда ведет эта дверь? – задала я вопрос, чувствуя, как беспокойство охватывает и меня, переходя в ощущение близкой опасности.

– Это дверь в магазин, – ответила женщина. – Она не может быть открыта.

«Не может быть» она произнесла таким тоном, что стало ясно: открытая дверь – событие и впрямь из ряда вон выходящее.

– Может, позвонить в полицию? – вновь предложила я. Она, вроде бы решившись, направилась к двери и скрылась за ней, я приблизилась и убедилась: за дверью царит темнота.

Женщина шарилась рукой по стене в поисках выключателя, наконец вспыхнул тусклый свет, и я увидела, что мы находимся в небольшой комнате, вроде кабинета. Стеллажи вдоль стен с толстыми папками для бумаг, письменный стол, кресло, напротив дверь. Женщина уверенно пересекла комнату и протянула ладонь к дверной ручке, посмотрела на меня, словно спрашивая моего согласия, потом резко толкнула ее. Магазин тонул в полумраке, но предметы вокруг все-таки угадывались, и от этого казалось, что находишься в заколдованном замке. Звякнул колокольчик, и я вздрогнула от неожиданности, тут женщина включила свет, и я увидела старика. Он сидел в своем кресле, безвольно опустив руки, голова свесилась на грудь, на полу возле его ног валялись осколки чашки, наверное, он держал ее в руке, она упала и разбилась.

Я торопливо приблизилась, глядя на его грудь, ожидая увидеть рукоять ножа, кровавое пятно... На старике была рубашка в полоску, поверх которой он надел шерстяную кофту, никаких кровавых пятен видно не было. Он выглядел спокойным и даже умиротворенным, можно было подумать, что он спит, если бы не одна деталь: черты лица заострились, точно окаменели, как будто это было уже не лицо, а посмертная маска.

– Бедняжка, – вздохнула женщина, наклоняясь к нему. – Умер, когда рядом никого не было.

– Вы думаете, он умер? – спросила я, вопрос прозвучал довольно глупо, я-то сомневалась, что старик умер сам, хотя ничто не указывало на убийство, но женщина поняла его по-своему.

– Без сомнения. Причем несколько часов назад. Я уже лет двадцать ухаживаю за стариками, – добавила она и покачала головой. – Бедняга.

– Но от чего он умер? – нахмурилась я, женщина снисходительно улыбнулась.

– От старости, моя дорогая. В его возрасте люди умирают в один миг.

Если честно, я в этом сомневалась. Покосилась на чашку возле своих ног, рядом с ней была небольшая лужица воды. Отец встречается с антикваром, получает от него конверт, через несколько часов после этого папу убивают, а старик вдруг умирает в своем магазине.

В этот момент зазвонил мой телефон, и это привело нас в чувство, меня-то уж точно. Звонил Дмитрий Сергеевич.

– Жанна Александровна, где вы?

– В лавке антиквара. Он умер.

На этот раз я ничуть не сомневалась. Дмитрий Сергеевич не только тяжело вздохнул, но еще и выругался сквозь зубы.

Через два дня я сидела в номере гостиницы и пыталась свести воедино весьма разрозненные факты. Факт первый: мой отец погиб. Был убит неизвестным, который, скорее всего, следил за ним. Еще только обнаружив тело отца и ожидая полицию, я позвонила его жене и сообщила о случившемся. В первый момент толку от нее было мало, то есть его не было вовсе. Муза охала, ахала и отказывалась верить в то, что произошло. Я бы, наверное, вела себя точно так же. Ночью Муза позвонила мне, и мы долго обсуждали с ней случившееся. Теперь она была гораздо спокойнее и силилась понять, кто и за что убил ее мужа. Если верить ей, не существовало человека, который мог бы желать ему смерти. По крайней мере никто из тех, кого она знала или о ком просто слышала, на ум не приходил. Факт второй: вслед за отцом погиб старик-итальянец, с которым отец встречался незадолго до своей смерти. То, что антиквара убили, – неоспоримый факт. Вскрытие показало, что он был задушен, скорее всего, одной из разноцветных подушек, которые в большом количестве были разбросаны в лавке. Наверное, принимая во внимание возраст старика, убийцы рассчитывали на то, что его смерть будет выглядеть естественно и ее никак не свяжут с другой смертью.

Допустим, отца убили из-за конверта, точнее, из-за того, что в нем содержалось. Речь идет о каких-то сведениях, о человеке по имени Макс фон Ланц. Причем папа особо подчеркнул, что он наш враг, не только его, но и мой тоже. Вот тут, собственно, и крылась самая большая загадка. Отец утверждал, что фон Ланц к его бизнесу никакого отношения не имеет, и даже намекнул на некую семейную тайну, связанную с моей бабушкой.

Я нервно прошлась по комнате, грызя карандаш и не замечая этого. Крайне неприятная мысль посетила меня, и теперь мне стало весьма неудобно. Я даже подошла к двери и проверила, заперта ли она. Зачем было убивать антиквара? Допустим, он передал папе нечто очень важное, некую информацию. Убийца взял конверт, не желая, чтобы содержащиеся в нем бумаги оказались в полиции, или эти самые бумаги как раз ему и были нужны, и именно по этой причине он убил отца. Допустим. Допустим даже, что он сначала явился к старику за конвертом, убил его, а потом начал охоту за моим отцом. Хотя был и другой вариант, который нравился мне гораздо меньше. Все дело в бумагах, а отец и старик погибли, потому что знали их содержание. В этом случае убийце следует избавиться и от меня, ведь у него нет гарантий, что отец не посвятил меня в суть проблемы, то есть, говоря проще, на очереди еще один труп, на этот раз мой.

Именно от этой мысли я и принялась ерзать, а потом носиться по номеру кругами. Я плюхнулась в кресло и с досадой подумала, что отцу следовало хоть что-то объяснить мне, потому что если меня сегодня зарежут, то совершенно напрасно, никакими сведениями, ценными или не очень, я не располагаю.

О Максе фон Ланце в полиции я, конечно, рассказала. Но мои слова их впечатлили мало. Если честно, они и меня совсем не впечатлили. Ну что такого, в самом деле: у отца были некие предчувствия в отношении фон Ланца, после получения конверта они подтвердились. Он назвал его врагом. Враг необязательно убийца. Разумеется, полицейские прове-

рили, не остановился ли в какой-нибудь венецианской гостинице человек с такой фамилией. Не остановился. Хотя ничто не мешало ему сделать это под другой фамилией. Кроме имени, ничего я им сообщить не могла, оттого особо и не рассчитывала, что от этого будет толк. Наверное, они разошлют запросы и в конце концов обнаружат какого-нибудь Макса фон Ланца, возможно, даже не одного. Если вдруг выяснится, что он был в день гибели отца в Венеции или по крайней мере неподалеку, это все-таки зацепка, но, зная расторопность итальянцев, я не сомневалась: на поиски уйдет очень много времени, а если фон Ланц действительно причастен к убийству папы, то обо мне он уже знает, а вот я о нем ничего...

Я вновь поехала и попыталась вспомнить интонацию папы, когда он говорил о нашем враге. Отец не производил впечатление человека, который кого-то опасается. По крайней мере, если бы он думал, что мне угрожает серьезная опасность, то вел бы себя по-другому. Нет, ни за меня, ни за себя он не боялся. Хотя что-то его, безусловно, тревожило. Или тяготило. Возможно, это мое убеждение не более чем иллюзия, ведь я знаю, чем закончилась наша встреча в Венеции, но в тот день, когда это произошло, ничто меня в его поведении не насторожило. Он выглядел как обычно, говорил как всегда... все как обычно, за исключением посещения старика и упоминания о фон Ланце. Это, конечно, выходило за рамки обычного.

Попытка выяснить, с кем в день своей смерти собирался встретиться отец, тоже успехом не увенчалась. Никто из его партнеров даже не знал, что он находится в Италии. Довольно странно. Некоторое время отец сидел в кафе, по словам официантов, явно кого-то ждал, но этот кто-то не пришел. Мне отец сказал, что этот человек звонил ему, и они перенесли встречу на вечер, причем собирались встретиться в Вероне. В действительности в это время отцу никто не звонил и сам он тоже. Выходит, он просто какое-то время сидел в кафе, ожидая неизвестно чего, потом позвонил мне, зачем-то выдумал несуществующий звонок и сообщил, что должен раньше намеченного срока покинуть Венецию. Чепуха. Предположим, что он хотел ненадолго остаться в одиночестве, чтобы просмотреть бумаги, полученные от старика. Вот и выдумал встречу, как предлог от меня избавиться. Хотя о ней отец сказал мне еще на вокзале... Ну и что? Он хотел в спокойной обстановке ознакомиться с содержимым конверта. Если бы я находилась рядом, ему пришлось бы что-то мне объяснять, так что деловая встреча в этом смысле очень даже неплохой предлог. Меня он отправил прогуляться, а сам... но официант утверждает, что никаких бумаг в его руках не заметил. Так должна была состояться встреча или нет? Отец ведь вполне мог позвонить человеку, которого ждал, поняв, что тот чересчур задерживается. Но он не сделал ни одного звонка. Может быть, просто не знал номера? Допустим. Так с кем он намеревался встретиться? Сначала старик, потом еще какой-то неизвестный, вряд ли он имеет отношение к бизнесу отца. Или все-таки имеет? Тогда кто-нибудь должен был знать об их встрече...

Я вновь прошла по крохотному номеру, то и дело натываясь на мебель и досадливо морщась. Отец, напрасно прождав незнакомца, решил уехать раньше. Надеялся застать его в Вероне? У меня не было ответов на эти вопросы, как и на многие другие. Итальянские полицейские разговаривали со мной исключительно вежливо, но у меня создалось впечатление, что они считают моего отца замешанным во что-то неблагоприятное. В противном случае с какой стати его кому-то убивать? На этот вопрос я могла лишь саркастически ухмыляться. Хотя направление их мыслей было, в общем-то, понятно. Человек уверяет жену и дочь, что приехал сюда по делам, но ни с кем из партнеров в Италии не встречается и даже не удосуживается им сообщить, что он здесь. Зато он поспешил к странноватому старику, который, как выяснилось, считался у местных полицейских довольно темной личностью. Подробностей мне, разумеется, не сообщили, но, учитывая род его занятий, вообразить, в чем там дело, не трудно. К примеру, он мог быть скупщиком краденого. А при чем здесь мой папа?

Ну конечно. Они вполне могли решить, что отец вел с ним какие-то дела. Противозаконные, разумеется. И в результате оба погибли.

Я досадливо пнула ногой кресло. Я почти уверена, что убийцу не найдут. Спасибо, хоть меня не заподозрили. А что, дочь вполне могла зарезать родителя, а потом придумать типа в балахоне и неведомого фон Ланца. На мое счастье, напротив того места, где я нашла папу, был магазин с видеонаблюдением. Уличная камера зафиксировала фигуру в балахоне, которая появилась за отцом. Момент убийства заснят не был, угол здания камера не захватила, но это по крайней мере избавило меня от неприятностей.

Я подошла к окну, хмуро разглядывая двор, тонувший во мраке. Мог ли отец в самом деле заниматься чем-то противозаконным? Я покачала головой. Нет и еще раз нет. С моей точки зрения, он был порядочным человеком и законопослушным, вне всякого сомнения. «А что, собственно, я знаю о своем отце?» – с печалью подумала я и вздохнула. И все-таки поверить в то, что он впутался в какое-то темное дело, я не могла.

Я вернулась в кресло, откинула голову на спинку и уставилась в потолок. Черт, если бы я проявила настойчивость, папа наверняка объяснил бы мне... Он мог быть очень скрытным, это я хорошо знала. Наверное, на свете не было человека, с которым он был до конца откровенен. Если только со своей матерью, моей бабкой... Я опять нахмурилась. Он намекал на какую-то тайну, связанную с ней. Но ведь не из-за нее же его убили? И что это за тайна, если для ее разгадки ему пришлось приехать сюда и встретиться то ли со скупщиком краденого, то ли с кем-то еще похуже... Какой-то фон Ланц... Как это вообще может быть связано?

Я взглянула на часы – давно пора ложиться. От моей беготни по комнате нет никакого толка. Я отправилась в душ, надеясь, что горячая вода поможет мне расслабиться и я усну, а не буду в сотый раз задавать себе одни и те же вопросы.

Обычно горячий душ в этом смысле мне очень помогает, но в ту ночь мне было не до сна. Я легла, закрыла глаза и стала монотонно повторять считалку, которой в детстве меня научила бабушка. «Встань к колокольне спиной, на юг иди по прямой, сорок шагов – поворот...» Это что-то вроде мантры, по крайней мере, если раз двадцать повторить ее от начала до конца, от ненужных мыслей освободишься. Обычно где-то ближе к пятнадцатому разу я засыпала. Но в ту ночь все было иначе. Промучившись часа два, я поднялась и, не зажигая света, направилась в туалет, оставив дверь открытой. Я умылась холодной водой, прикидывая, что разумнее: почитать немного в надежде, что усну в конце концов, или еще раз попытаться уснуть, не прибегая к чтению. Я выключила воду, так ничего и не решив, и уже хотела покинуть ванную, как вдруг мое внимание привлек шорох за окном. Я замерла на пороге, прислушиваясь и выглядывая в комнату.

Ставни на окне моей комнаты почти беззвучно открылись, а вслед за этим оконная рама начала подниматься. С довольно глупым видом я наблюдала за этим, пока до меня наконец не дошло: кто-то весьма нахально лезет в мой номер. Сердце ухнуло вниз, и я едва не рухнула на плиточный пол, потому что ноги мои подкосились от страха. Сообразить, зачем кто-то решил навестить меня среди ночи, было нетрудно. Учитывая мои недавние размышления, я даже ощутила нечто вроде удовлетворения, что не ошиблась. Правда, длилось это недолго, как и радость оттого, что я в этот миг находилась в ванной, а не спала, на что, по всей видимости, рассчитывал тот, кто сейчас осторожно открывал окно.

Я вторично едва не рухнула в обморок, представив, что могла бы спать себе и... далее ничего представлять не хотелось, а вот решать, что делать, необходимо, причем срочно.

Вариант первый, самый простой: заорать что есть мочи в надежде, что на крик сбегутся все обитатели гостиницы. Такая встреча типа за окном должна впечатлить, и он поспешит убраться восвояси. А если он не из пугливых и настроен решительно? Я буду орать, а он швырнет в меня нож или выстрелит? И то и другое я видела очень ярко и в который раз

за последние две минуты собралась упасть в обморок. Одним словом, уколошит он меня и успеет смыться до того, как в гостинице сообразят, что происходит.

Второй вариант: выскочить из номера и орать уже в коридоре. Шансов остаться в живых в этом случае гораздо больше, как и привлечь к себе внимание постояльцев. Существовало одно «но» – я не помнила, куда дела ключ от двери номера. Какого черта я не оставила его в замке? Вопрос риторический. Пока я буду искать ключ в темноте, этот тип...

Тип между тем делал определенные успехи, окно уже было открыто, и я увидела руку в черной перчатке, этой рукой он уцепился за раму...

Орать надо немедленно, иначе будет поздно. Вместо этого я потянула на себя дверь ванной и закрыла ее, радуясь, что смогла сделать это совершенно бесшумно. Защелкнула задвижку. Запереться в ванной не самая хорошая идея. Тип за окном не желает поднимать шум, вон как осторожно лезет, но, без сомнения, он начнет действовать решительно, сообразив, где я от него прячусь. Я посмотрела на окно за своей спиной, оно довольно маленькое, но я пролезть смогу. Не очень хорошо понимая, что и зачем делаю, я встала на унитаз, открыла окно и, подтянувшись, довольно легко выбралась на карниз.

– Идиотизм, – констатировала я с прискорбием, имея в виду свое неразумное поведение. Орать в таком положении было довольно трудно, к тому же люди в гостинице не сразу поймут, кто и где орет: то ли в доме, то ли на улице, а вот мой ночной гость наверняка обратит внимание на крик. Вышибет дверь, а потом... потом столкнет меня вниз, прибавив забот полиции. Хотя там вполне могут решить, что я покончила жизнь самоубийством.

Эта мысль придала мне силы, я вертела головой во все стороны в поисках спасения и увидела совсем рядом металлическую решетку, это была подпорка для вьющихся растений. Не задумываясь над тем, выдержит она меня или нет, я уцепилась за нее рукой, закрыла окно ванной, отдышалась и попробовала решить, что делать дальше. Рядом было окно соседнего номера. Можно постучать, вдруг меня услышат, хотя номер может быть не занят. Проще спуститься вниз, по крайней мере попытаться. И я полезла вниз, каждое мгновение ожидая, что нога зависнет в пустоте или я сорвусь, не удержавшись. Но, как ни странно, спуск прошел благополучно – помогли выступы на стене. Я спрыгнула на землю, почувствовала леденящий холод и лишь тогда сообразила, что я стою босиком и в пижаме. Я чертыхнулась в крайней досаде на себя: все я делаю неправильно. Надо бежать к администратору, вызвать полицию... Я подняла голову, не очень торопясь выполнять задуманное и радуясь, что номер мне достался на втором этаже. В окне ванной никто не появлялся. Возможно, он еще возится с дверью. Я огляделась. Здание гостиницы было угловым, окна моего номера выходили во двор, окно ванной – в узенькую улочку, на которой было всего с десяток домов. Все окна темные, только впереди возле канала горел фонарь.

Я свернула за угол, фасад гостиницы был хорошо освещен, что придало мне бодрости. Позвоню в дверь, объясню ситуацию, пусть вызывают полицию. Вместо этого я устроилась на корточках, привалившись спиной к стене, и попыталась понять, как тип, что влез в мою комнату, попал во двор. Я сегодня довольно долго стояла у окна и точно помню, что двор огорожен высокой стеной, вплотную к ней стены соседних домов. Земля в Венеции стоит дорого, и дома здесь во все века строили очень близко друг к другу.

Я вернулась на улочку, куда выходило окно ванной, дошла до конца гостиницы и убедилась, что стену, отделявшую двор от улицы, преодолеть без посторонней помощи невозможно. Мне-то уж точно ее не преодолеть. Стена длиной метра три упиралась в торец соседнего дома, к нему лепился еще дом, к тому еще. Дальше был канал. В хитросплетении здешних улиц легко заблудиться, особенно в темноте. Но попробовать найти проход во двор все-таки можно.

Я почти бегом направилась к каналу, и тут стало ясно: пройти здесь не получится, тротуар обрывался, дальше двигаться можно только на лодке. Значит, следует попробовать с другой стороны.

Я бегом вернулась к гостинице. На этот раз, оказавшись на освещенном месте, я почувствовала себя неуютно и подумала: что, если кто-то заметит меня в окно? Довольно странное зрелище: девушка в шелковой пижаме крадется по ночной улице. Чего доброго вызовут полицию. Тут я здраво рассудила, что полицию стоило бы вызвать мне, а не бегать по городу босиком, однако на мои намерения это никак не повлияло.

Если честно, я и сама в тот момент не знала, чего, собственно, добиваюсь. Разумеется, я очень хотела узнать, кто и за что убил моего отца, и уже догадывалась: вряд ли полицейские в скором времени сообщат мне, кто это сделал. Отец для них некто вроде мафиози, к тому же гражданин другой страны, поди разберись, что у него за проблемы. Но это был мой отец; даже если он действительно умудрился влезть во что-то скверное, моих намерений это изменить не могло. Оттого таким важным мне казалось узнать хоть что-то об убийцах, иметь хотя бы незначительную зацепку. Именно эти соображения и гнали меня по ночной улице. Я хотела выследить ночного гостя, надеялась, что он приведет меня к убийцам. Довольно самонадеянно и, в общем-то, глупо, но я была в таком состоянии, что не очень осознавала всю меру опасности своего решения.

Улица по-прежнему была пуста. Как же попасть во двор? Проход должен быть. Не могут, например, продукты для гостиничного ресторана заносить через центральный вход. Я покосилась на кирпичную стену, отделявшую от меня двор, вздохнула и опять направилась по улице в сторону канала в надежде обнаружить какую-нибудь калитку, не замеченную мною в первый раз. Калиток не было. Выйдя к каналу, я чертыхнулась сквозь зубы, но тут же замерла, настороженно прислушиваясь. Вне всякого сомнения, рядом причаливала лодка. Я спряталась за угол дома, очень осторожно выглянула и смогла убедиться: так и есть. В темноте лодку можно было разглядеть, хотя подходила она без огней и мотор не работал, но это была моторная лодка. Я слышала, как тихо плещется вода под веслами. Кто-то не хотел привлекать к себе внимание. Конечно, меня это очень заинтриговало.

Я опустила на колени, вытянула шею, чтобы получше видеть происходящее, не опасаясь, что меня заметят. Лодка пристала к берегу у соседнего дома. В ту же секунду я увидела темный силуэт, отделившийся от стены, а потом услышала голос. Некто спросил по-немецки:

– Ну что, готово?

– Ее не было в номере, – ответил другой голос, сердце у меня застучало так сильно, что я могла лишиться с перепугу сознания, потому что поняла: эти двое говорят обо мне.

– Как не было? Где же она? – с сомнением спросил первый.

– Откуда мне знать? Наверное, куда-то ушла.

– Куда она могла уйти ночью? – Тот, что был у меня, на этот вопрос отвечать не собирався, а тот, кто задавал вопросы, выругался. – Тебе надо было ее дожидаться.

– А если бы она вернулась не одна?

– Черт, – вновь выругался первый. – Ты хоть проверил ее вещи?

– Конечно. Ничего нет.

Пока они разговаривали, мой ночной гость перебрался в лодку, и вот она плавно заскользила по узкому каналу. В какой-то момент они поравнялись со мной, я растянулась на земле, ткнувшись головой в ладони, боясь взглянуть на лодку. Почему-то я была уверена, что мой взгляд они почувствуют. Лодка удалялась, и голоса стихли.

Я поднялась, посмотрела в том направлении, но они успели отойти слишком далеко, чтобы я смогла что-то разглядеть. Оставалось одно: вернуться в гостиницу.

Бредя по улице, я размышляла над словами ночного гостя. Он сказал, что в номере меня не было. Или он не догадался проверить ванную (дверь была заперта на задвижку, что его, безусловно, навело бы на определенные мысли), или попросту соврал, не желая сознаться, что я ускользнула у него из-под носа. Первый вариант маловероятен, если парень не законченный олух, конечно. Допустим, он соврал. Если они хотели убить меня, он должен был отправиться за мной следом. Вместо этого он, по его собственным словам, осматривал мои вещи. Но если он знал, что я сбежала, должен был как можно скорее покинуть номер, а он пробыл там довольно долго. Неужто в самом деле решил, что я ушла куда-то еще до его прихода, и не потрудился проверить ванную?

Я как раз поравнялась с гостиницей, задрала голову и посмотрела на решетку. Конечно, следует позвонить в дверь, все рассказать администратору и вызвать полицию... а потом до утра объясняться с ними. Поверят они в рассказ о ночных гостях или нет, еще вопрос, а вот мне мое поведение объяснить будет затруднительно. Полицейским оно покажется весьма странным, ведь для такого поведения у меня должны быть очень веские причины.

Я вздохнула, уцепилась руками за решетку и полезла наверх. Подняться оказалось даже легче, я достигла окна своей ванной и осторожно толкнула раму. Далее последовало несколько весьма неприятных минут, когда я подтягивалась, уцепившись за подоконник, и еще более неприятных, когда я спускалась с той стороны, хватаясь за все, что попадало под руку. На счастье, окно располагалось невысоко, и шею свернуть я вряд ли могла, даже если бы свалилась. Впрочем, тут с уверенностью никогда не скажешь. Отдышавшись, я умылась, нащупала полотенце и, держа его в руках, вышла из ванной. Ставни были закрыты, но темнота в номере не была абсолютной, предметы я различала, направилась к кровати, протянула руку к выключателю, думая, что надо проверить свои вещи после посещения гостя, и тут услышала за своей спиной:

– Не включай свет.

Я резко повернулась. В кресле, совсем рядом со мной, сидел мужчина. В первое мгновение страх пересилило удивление: как я его не увидела, не почувствовала его присутствие в комнате? Рука моя все еще тянулась к выключателю, наверное, поэтому мужчина сказал:

– Руку-то убери, меня это нервирует.

Только тут до меня дошло, что в отличие от тех двоих он говорит по-русски. Меня это отнюдь не успокоило, скорее наоборот. Все так запуталось... разозлилась и ляпнула:

– Вы кто?

– О господи, – пробормотал он со вздохом, точно сокрушаясь по поводу моей бестолковости. – Тебе, может, паспорт еще показать?

– Было бы неплохо, – подумав, ответила я.

Мужчина в кресле хихикнул, но тут же посуровел и заявил приказным тоном:

– Сядь и не вздумай дурака валять.

Я села на кровать и уставилась на его голову, силясь хоть что-то разглядеть, но вместо лица видела лишь расплывчатое пятно. Говорил он тихо, так что вряд ли я смогу узнать его по голосу, если вдруг нам доведется встретиться. Тут я подумала: довольно самонадеянно рассчитывать на такое, в смысле, с чего я взяла, что останусь жива после сегодняшней встречи? Эта мысль вызвала дрожь в конечностях, и я как можно увереннее заявила:

– Сейчас здесь будет полиция.

– Ладно врать-то, – отмахнулся он.

Это показалось мне обидным.

– Ничего я не вру.

– Брось, – опять хохотнул он. – Ты смылась через окно в ванной, потом носилась по улице... Этих типов выслеживала?

– Вам-то что до этого? – съязвила я, вновь осмелев.

– Между прочим, я задал тебе вопрос, а на мои вопросы надо отвечать. Причем сразу и без вранья. Я не всегда бываю добрым, а каким я бываю, когда злюсь, тебе лучше не знать.

– Слушайте, а вы кто? – пискнула я. – Я же не просто так спрашиваю.

– Не сомневаюсь. Я жду ответа на свой вопрос, заметь, жду терпеливо.

– Спасибо. Я забыла вопрос, – помедлив, сказала я, сообразив, что и в самом деле не в состоянии вспомнить, о чем он меня спрашивал.

– Ты следила за этими типами?

– Ага. Вы знаете, кто они?

– Догадываюсь.

– А мне скажете?

– Возможно. Если ты пойдешь мне навстречу.

– Пойду, – кивнула я.

– Ну, так что ты успела увидеть?

– Ничего. Подошла лодка, кажется, в ней был один человек, потом появился тип, кто был у меня в номере. Между собой они говорили по-немецки.

– Ты знаешь немецкий?

– Знаю.

– О чем они говорили?

– Один спросил, все ли в порядке, другой ответил, что меня не было в номере, вещи он проверил, но ничего не нашел. Вы случайно не знаете, что они искали?

– А ты?

– Нет, конечно.

– Серьезно? – Он опять хихикнул и покачал головой. – Плохо.

– Для кого? – насторожилась я.

– В основном для тебя. – Мужчина вздохнул. – Что тебе успел рассказать отец? – вновь посуровел он.

– Ничего. Вы можете мне не верить, но я понятия не имею, что происходит.

– Разумеется, поэтому ты сегодня ждала гостей, и они не смогли застать тебя врасплох, мало того, ты при появлении гостя не завизжала на весь отель, а смылась через окно с намерением его выследить.

– За что убили моего отца? – не выдержала я.

– Кто здесь, по-твоему, задает вопросы? – вздохнул он. – Твой отец заходил к антиквару при тебе?

– Да.

– И получил бумаги?

– Конверт. Это был конверт.

– И ты не проявила любопытства?

– Проявила, но отец сказал, что позже все объяснит. А когда его убили, конверта при нем не оказалось.

– Расскажи мне про убийство.

Я рассказала, удивляясь, что ни страха, ни даже волнения не чувствую. Мужчина в кресле выслушал меня молча, потом кивнул:

– Правдоподобно.

– Я не вру, – нахмурилась я. Примерно так и было, я не врала, просто недоговаривала, к примеру, не стала называть имя, которое сообщил отец: Макс фон Ланц. А ведь типы в лодке разговаривали по-немецки. Если они имеют отношение к убийству папы, тогда его предупреждение о том, что у нас есть враг, надо понимать буквально: враг, который желает и моей смерти, не больше и не меньше. Знать бы еще, чем я этому Ланцу не угодила.

– Допустим, – подал голос мужчина в кресле и вздохнул. – Час от часу не легче. – Он поднялся и шагнул к двери.

– Вы куда? – растерялась я.

– Дорогая, – дурашливо протянул он. – Я не против остаться, но, к сожалению, у меня дела. Порезвемся как-нибудь в другой раз.

– Вы мне ничего не объяснили... – начала я и вздохнула. Ситуация дурацкая, мне бы радоваться, что он уходит, а я вроде бы расстроена.

– А должен был? – спросил он, притормозив, я не могла видеть его лица, но точно знала: сейчас он улыбается.

– Наверное, нет. Но чисто по-человечески... вы же должны понимать, в каком я положении... – Последние слова я произнесла почти шепотом, мне так себя стало жалко, что я едва сдержала слезы.

– Ладно, не переживай. Никто тебя не тронет, я присмотрю.

– В каком смысле? – брякнула я.

– В буквальном. В окна лазить завязывай, сорвешься чего доброго.

Он открыл дверь и через мгновение исчез.

На месте я смогла усидеть всего несколько секунд, потом кинулась к двери. Гостиничный коридор был пуст, лестница терялась в темноте, только возле лифта светилась лампочка.

– Куда он делся? – пробормотала я, закрывая дверь. Конечно, он мог покинуть гостиницу, но почему-то мне казалось, что он где-то рядом, то есть он один из постояльцев. Загадок лишь прибавилось, нечего было и думать о том, чтобы уснуть.

Я легла, уставилась в потолок и вздохнула. Итак, мои худшие опасения оправдались: убийцы отца заинтересовались мною. Это немцы, по крайней мере говорили они по-немецки, а человека, которого мне следует опасаться, зовут Макс фон Ланц. Тут все сходится, кроме одного: какое к отцу могут иметь отношение эти самые немцы? Насколько я знаю, никаких дел в Германии у него никогда не было, а также никаких знакомых, интересов и т. д. Он ни разу туда не ездил, по крайней мере ни о чем подобном не упоминал, но умудрился нажить врага с немецким именем. Далее: этот русский, оказавшийся в моей комнате. Он-то откуда взялся, не в комнате, а вообще? Его интересовало, что папа успел мне рассказать. То же интересовало и немцев. Точнее, их интересовало, не успел ли он мне что-то передать, иначе парень не стал бы рыться в моих вещах. Тут я вскочила с кровати, включила свет и первым делом проверила наличие документов. Слава богу, все на месте. Я тщательно осмотрела свои вещи, вдруг подумав: что, если отец незаметно сунул мне в карман записку? Или еще что-нибудь? С этим повезло меньше, то есть совсем не повезло. Да если бы папа и оставил что-то, парень, что копался в моих вещах, непременно бы это обнаружил... Хотя, если русского он не знает, мог и не обратить внимания на записку. Знает или нет, осталось загадкой, но записки точно не было. Я пригорюнилась и вернулась мыслями к своему недавнему гостю. Не похоже, что он с немцами заодно. Если те двое имеют отношение к неведомому Макс фон Ланцу, то этот... Он наблюдал за мной, причем еще до появления немца, видел, как я вылезла в окно (или догадался), и следил за моими перемещениями на улице. Предположим, он тоже что-то искал в моих вещах. Поискал и шел бы себе с миром, но он решил меня дожидаться и задать несколько вопросов. Его интересовало, при каких обстоятельствах погиб мой отец. То есть он об этом не знал? Следовательно, к убийству не причастен. Вилами по воде писано, но мне так спокойнее. Но, как и немцев, его интересовал конверт, а также что отец успел рассказать или передать мне. Что же такого особенного в этом конверте?

Он должен быть у убийцы, то есть если немцы причастны к убийству, то пришли они отнюдь не за конвертом. Я уверена, тип влез в окно с одной целью – убить меня, а еще хотел убедиться, что папа мне ничего не передал. Логично допустить, что немец и тот, что сидел в моем кресле, – конкуренты, ищут одно и то же, но с разной целью, хотя цель может быть

одна, просто соотечественник менее кровожаден. Он сказал, что будет за мной приглядывать, и советовал особенно не беспокоиться. Что это значит? Жаль, что на мои вопросы он не пожелал ответить. Господи, ну какое все это может иметь отношение к моему папе? К обычному бизнесмену средней руки из областного центра? Шпионский триллер какой-то. Я нахмурилась и в который раз с печалью подумала: а что, собственно, я знаю о своем отце? То же, что и любая дочь, прожившая с ним в одной квартире несколько лет. Вроде бы очень много и вместе с тем – ничего. Я даже не знаю, при каких обстоятельствах он, к примеру, познакомился со своей второй женой. Так что, по большому счету, он мог быть кем угодно, даже шпионом. Шпион должен работать в соответствующем ведомстве, представляющем интерес для иностранных держав. А мой организовал собственный бизнес, по делам ездил не часто, в основном в Москву, ну и в Италию. Я тяжело вздохнула, потому что уже просто устала от этих мыслей.

За окном серело, дождавшись девяти утра, я позвонила Дмитрию Сергеевичу, он обещал приехать через час. Я отправилась завтракать. Само собой, теперь меня очень интересовали постояльцы гостиницы, оттого я была разочарована, обнаружив в ресторане только пожилую японскую чету. Я устроилась лицом к открытой двери в ресторан. С моего места хорошо был виден холл, вскоре там появились три женщины-француженки. Пожилой итальянец, сидя за стойкой, просматривал журнал. В ресторан вошли парень и девушка. Поначалу я насторожилась, но тут же разочарованно вздохнула: парень был чуть выше меня, а ночной гость отличался довольно высоким ростом. Минут через десять появилась еще одна пара, но мужчина был невысок и упитан, то есть на роль гостя также не годился.

Мое сидение в ресторане становилось неприличным; допив кофе, я решительно направилась к стойке. Завидев меня, мужчина убрал журнал и дружески мне улыбнулся. Накануне мы с ним немного поболтали, он, кстати, был хозяином гостиницы, где работала вся его семья, хвалил мой итальянский, расспрашивал о жизни в Болонье, учебе, – в общем, можно считать, что мы подружились. Оттого я была уверена: он не откажет мне в услуге.

– Доброе утро, – сказала я, он охотно ответил. Поболтав о погоде и о своих планах на день (разумеется, они касались экскурсий), я спросила: – В гостинице живут еще русские?

– Да, – кивнул хозяин. – Пятеро. Три женщины и двое мужчин. Очень приятные люди, – счел своим долгом добавить он и улыбнулся.

– Мужчины приехали вместе? – продолжила я допрос, надеясь, что мои вопросы покажутся ему праздным любопытством.

– Да, – кивнул он. – Они здесь со своими женами, и еще одна дама, которая занимает одноместный номер. Кажется, они друзья или родственники.

Я мысленно вздохнула, конечно, мой ночной гость мог появиться здесь в компании, но почему-то в это не очень верилось.

– Простите мою назойливость, – изобразив смущение, сказала я. – Других русских в гостинице нет? – Хозяин смотрел на меня с недоумением, а я объяснила: – Вчера я встретила мужчину в коридоре, русского...

– А-а... это, наверное, тот, что уехал сегодня утром, часов в восемь.

– Как он выглядел? – не отставала я.

– Симпатичный, – улыбнулся хозяин. – Высокий, светлые волосы.

– Вы не могли бы назвать мне его имя?

– Конечно. – Он заглянул в журнал и, коверкая имя, произнес: – Владимир Шульгин.

Но он уехал. У него самолет утром.

– Спасибо, – вздохнула я.

Шульгин мог быть тем, кого я ищу, а мог быть совершенно другим человеком. Но тот, кто был у меня ночью, вне всякого сомнения, останавливался в этой гостинице. Как иначе

он оказался в моей комнате, не сквозь стены же прошел. А с чего, собственно, я взяла, что он из России? По-русски он говорил без акцента, но ведь это ничего не значит...

Взглянув на часы, я поднялась в номер. Не успела закрыть дверь, как зазвонил телефон. Я сняла трубку, решив, что это Дмитрий Сергеевич, и услышала незнакомый голос.

– У тебя что, проблем мало? – со вздохом спросил мужчина.

– Что? – растерялась я.

– Не вздумай меня искать, – велел он. – И вообще, лучше обо мне помалкивай.

– Вы что, следите за мной?

– Приглядываю. Между прочим, для твоей же пользы.

– Послушайте...

– Нет, это ты послушай, – перебил он. – Забудь о нашей встрече и вообще поменьше болтай. Кстати, я тебе не враг.

– Seriously? – разозлилась я и в припадке храбрости спросила: – Кто же вы тогда?

– Ангел-хранитель, – засмеялся он и повесил трубку.

– Что же это такое? – растерялась я, но предаваться размышлениям времени не оказалось: телефон опять зазвонил. Я схватила трубку, очень надеясь, что это мой ночной гость: вдруг он решил растолковать мне, что происходит. На этот раз звонил Дмитрий Сергеевич, сообщил, что ждет меня в баре.

Я спустилась вниз и застала его с чашкой кофе и с озабоченной физиономией.

– Что опять случилось? – спросил он, поднимаясь мне навстречу, сделав акцент на слове «опять».

Я торопливо начала рассказывать о ночных событиях. Слушая меня, он мрачнел на глазах. Я-то думала, он переживает за меня, но оказалось, я была далека от истины, о чем и узнала, лишь только закрыла рот.

– Жанна Александровна, – сказал он с печалью, – а вы все это не выдумали?

Челюсть у меня отвисла, я уставилась на него в недоумении, он вздохнул и покачал головой.

– Вы считаете меня сумасшедшей? – я обрела дар речи, не зная, что и думать о его поведении.

– Я считаю, что вы... вы нервничаете. Это, в общем, понятно, имея в виду то, что произошло с вашим отцом. И теперь многое вам кажется подозрительным.

– Вот как, – кивнула я. – По-вашему, тип, который влез в окно моего номера, подозрительным не выглядит?

– А вы уверены, что все было именно так? Вы видели этого человека в вашем номере?

– Нет, я увидела его руку и... я же вам рассказывала...

– Вот-вот. Вы увидели, или вам показалось, что кто-то открывает окно в вашем номере. Что произошло после этого? Вы выбрались через окно ванной... кстати, как вам это удалось?

– Там рядом решетка, подпорка для вьющихся растений, и выступы на стене.

– Н-да... Знаете, ваш рассказ здорово напоминает американский триллер. Впрочем, российский тоже. Должен заметить, ваше поведение выглядит очень странно. Женщина в подобной ситуации бросилась бы в коридор, стала звать на помощь, а вы...

– Я не помнила, где лежит ключ от входной двери. К тому же на размышления у меня не было времени. Вот я и полезла в окно.

– А если бы решетки не оказалось?

Я вздохнула.

– Хороший вопрос. Пришлось бы прыгать со второго этажа или голосить «на помощь».

Следует признать, ночью я действительно вела себя очень странно, то есть я-то всему этому находила объяснение, но моему слушателю оно не казалось серьезным.

– Вы благополучно спустились на землю, – продолжал он, – но не вернулись в гостиницу, что было бы логично. Вызови вы полицию вовремя, и этого человека схватили бы на месте преступления. Кстати, почему вы так уверены, что это, к примеру, не обычный воришка?

– Вы что, издеваетесь?

– Нет, не издеваюсь, – серьезно ответил он. – Пытаюсь понять, что происходит. Простите, Жанна Александровна, но вы либо все это выдумали, либо...

– Либо что? – хмуро поинтересовалась я, сообразив, что продолжать он не намерен.

– Либо о делах вашего отца знаете гораздо больше, чем сочли нужным рассказать.

– Ничего я не знаю...

– Хорошо, – устало кивнул он. – Допустим, вы вообразили себя сыщиком и, вместо того чтобы просить о помощи, отправились выслеживать этого типа. С чего вы взяли, что люди в лодке, точнее, один из них, тот самый, что залез к вам в окно?

– Я же слышала их разговор, – напонила я.

– Вы свободно владеете немецким?

– Да.

– И все же... вы ведь могли...

– Такое впечатление, что вы всячески стараетесь внушить мне мысль...

– О том, что итальянской полиции ваш рассказ покажется весьма подозрительным, – перебил он меня и многозначительно сказал: – Они и так считают вашего отца чуть ли не мафиози.

– Вы тоже так считаете? – возмутилась я.

– Поверьте, я только хочу помочь соотечественнице, оказавшейся в трудной ситуации. В этом, кстати, заключается моя работа, и я пытаюсь ее выполнить.

– А я вам мешаю?

– Себе, – поправил он. – В ваших рассказах очень много нереального, фантастического. Прошу вас серьезно отнестись к моей просьбе, взвешивайте свои слова.

Я сердито посмотрела на него, меня, разумеется, переполняло негодование.

– Вы мне предлагаете ничего не рассказывать полицейским?

– Боже избави. Если вы считаете, что рассказать необходимо...

– А вы так не считаете?

– Свою точку зрения я уже высказал: если вы все это не придумали, значит, вам известно гораздо больше. Гораздо. Вам следует быть до конца откровенной, в противном случае вы только запутаете следствие.

Я продолжала на него тарашиться, и вдруг совершенно идиотская мысль пришла мне в голову: что, если мой отец разведчик, то есть работал на российскую разведку, и теперь этот тип просто пытается запудрить мне мозги? Целую минуту эта мысль казалась мне вполне вероятной, потом я выругалась про себя, нецензурно, разумеется. Смех, да и только, что он мог тут разведывать? Мой отец иногда представлялся мне большим ребенком, каковым, в сущности, и был. Бабка любила приговаривать: «дитя великовозрастное» и качала головой; подозреваю, она не видела повода гордиться сыном. Нет, конечно, она его очень любила, но, скорее всего, он не оправдал ее надежд, хотя о ее надеждах мне ничего не известно. «Я действительно увлекаюсь фантазиями», – подумала я с печалью, но отступить без боя не хотелось, и я задала еще вопрос:

– А этот тип, что ждал меня в номере, он что, тоже плод моего воображения?

– Он угрожал вам? – поднял брови Дмитрий Сергеевич.

– Нет, – съязвила я. – Напротив, сказал, что он мой ангел-хранитель.

– Вы считаете, к вам его приставил ваш отец?

Признаться, такое мне в голову не приходило, я опять замерла с открытым ртом, выглядела, должно быть, очень глупо, а чувствовала себя еще глупее.

– Отец? – обретя голос, повторила я и вновь задумалась, правда, рот закрыла. – Зачем? – нашла в себе силы спросить я через некоторое время.

– Уверен, вам об этом лучше знать.

– Ничего я не знаю, – возмутилась я, но мысль об ангеле-хранителе накрепко засела в моей голове.

– Жанна Александровна, – очень мягко начал Дмитрий Сергеевич, – со стороны все выглядит приблизительно так: ваш отец оказался замешанным в некую опасную историю. Ни вы, ни я о ней ничего не знаем, – он поднял руку, избегая моих возражений. – Это, без сомнения, так. Его убийство тому доказательство. Поняв, что находится в опасности, он предупредил вас о некоем человеке, а еще позаботился об охране для вас. Я почти уверен, что в данных обстоятельствах он был просто обязан вам что-то объяснить, хотя бы что-то, – повторил он. – Единственно для того, чтобы не подвергать вас риску. Но вы категорически отказываетесь...

– Он мне ничего не объяснил, – возмутилась я.

– И вы не знаете, зачем он приехал в Италию? И из любопытства не поинтересовались, что было в конверте, полученном вашим отцом?

– Я вам все рассказала...

– Отлично.

Он поднялся, давая понять, что разговор окончен. Наверное, у него кончилось терпение. Однако, как выяснилось позже, два добрых дела он все-таки сделал, потому что ближе к вечеру сообщил:

– Владимир Шульгин действительно вылетел сегодня в Москву. Он был здесь по турпутевке, находился в Италии семь дней, живет в Кемерове, работает автослесарем.

– Не так часто мужчины путешествуют в одиночку, – буркнула я, услышав это.

– При желании каждая мелочь может казаться подозрительной, – помолчав немного, сказал он. – В любом случае он покинул Италию, так что угрожать вам не будет.

– Может, установить за ним наблюдение...

По-видимому, Дмитрию Сергеевичу понадобилась вся его выдержка, чтоб ответить спокойно и без всякого намека на издевку:

– На каком основании? Вы уверены, что это он посетил вас ночью?

– Кто же еще? – я досадливо чертыхнулась, и на этом разговор закончился.

На следующий день он же сообщил мне, что ангел-хранитель звонил мне в номер из холла гостиницы. Это мои подозрения лишь усилило. К сожалению, этот факт усилил и сомнения Дмитрия Сергеевича, что, в общем-то, было понятно.

Покидая гостиницу, я нервно кусала губы – скверная привычка, но в тот момент мне было не до хороших манер. Я пыталась решить, должна ли я сообщить в полицию о событиях этой ночи, и если должна, то что? Дмитрия Сергеевича, как видно, беседы со мной утомили, и он предпочел отмалчиваться. Так что решать пришлось самой. В конце концов я определилась: о ночном визитере я расскажу, о лодке, о разговоре на немецком тоже, а вот об ангеле-хранителе не стану... Чего доброго они и впрямь решат, что мой отец – мафиози и приставил ко мне охрану.

Удручающе вежливые полицейские выслушали мой рассказ, кивая в нужных местах.

– Синьорина считает, что ей необходима охрана? – спросил один серьезно, второй ласково улыбнулся с особым выражением на физиономии, которое можно было понять примерно так: какой глупостью нас еще удивят?

Поначалу я здорово разозлилась, меня потянуло наговорить ему гадостей, чтобы дурацкая улыбка сползла с его лица, но, немного успокоившись, я поняла, что злюсь

напрасно. Дмитрий Сергеевич прав, моя история со стороны выглядит глупо, если не сказать больше. Подозрительно, уж точно.

– Думаю, будет разумно, если синьорина переедет в другую гостиницу, – заметил Дмитрий Сергеевич.

Полицейские согласно кивнули. На том мы простились.

Справедливости ради следует сказать, что драматические события на этом закончились, то есть на мою жизнь более никто не посягал, встреч со мной не искал и даже по телефону не звонил. Дмитрий Сергеевич оказался на редкость милым человеком и все заботы, связанные с оформлением необходимых бумаг, взял на себя. Через несколько дней я отправилась в Россию, сопровождая гроб с телом отца. К тому моменту я уже отчаялась разобраться в этой истории, хотя кое-какие надежды теплились в моей душе: вдруг встреча с родственниками что-то прояснит? Надежды оказались напрасными. Родственники пребывали в недоумении. Муза истерически рыдала и время от времени обращалась ко мне с вопросом:

– Как ты можешь жить в стране, где людей режут на улицах?

Можно подумать, что здесь ничего подобного не случается. Сестра выглядела испуганной, плакала и просила меня не уезжать. Вскоре стало ясно, что никто понятия не имеет о делах отца, мой рассказ, который мне пришлось повторять раз пять, у всех вызвал стойкое недоумение. Правда, памятуя недавний опыт, я была скупа на слова, что друзьями и родными воспринималось с пониманием.

Отца похоронили, а я поспешила вернуться в Италию, очень рассчитывая на то, что у полицейских появились хоть какие-то зацепки. Но и этим надеждам не суждено было сбыться.

Вновь оказавшись в Болонье среди привычных людей и вещей, я решила: лучшее, что я могу сделать, это сосредоточиться на учебе. Прошел месяц, и теперь мне временами казалось, что в моей жизни ничего не изменилось. Лекции, общежитие, подруги... Иногда я вдруг думала: «Надо позвонить отцу», и тогда недавняя боль возвращалась, и я стискивала зубы, а по ночам ревела, успокаивая себя тем, что моя тоска когда-нибудь пройдет. И все же я ловила себя на мысли, что жду звонка от отца. Нелепость, но именно так и было. Я ждала звонка, а мысль о том, что папы больше нет, попросту не укладывалась в голову. Это было похоже на тихое помешательство. Может, я в самом деле спятила? Конечно, согласиться с этим я не могла, хоть мне было известно от знающих людей, что ни один псих психом себя не считает.

Никто мною не интересовался, таинственные личности, желавшие моей гибели, вдруг потеряли ко мне интерес. А может, мне все это привиделось? Прав Дмитрий Сергеевич: гибель отца вызвала сильнейший стресс, и у меня попросту начались глюки. А потом так же внезапно кончились. Если те двое замыслили меня укокошить, почему вдруг они отказались от своего намерения? Очень много вопросов, на которые у меня не было ответов. Оставалось рассчитывать лишь на время, которое, как известно, лечит. Но в моем случае все происходило иначе: чем больше времени проходило с момента гибели папы, тем настойчивее было мое желание понять, что тогда произошло.

Однажды я, сев за стол, записала наш разговор с отцом, постаравшись ничего не упустить, и, дважды прочитав написанное, пригорюнилась. Он имел в виду какую-то семейную тайну. Что, если именно она послужила причиной его гибели, как бы нелепо это ни звучало?

– Искать надо там, – произнесла я, и в тот момент стало ясно: пока я не разберусь в этой истории, не успокоюсь. Я должна знать, кто и почему убил папу, и в этом я видела смысл своей жизни. Учеба и прочее перестали иметь значение. У меня была цель. Я понятия не имела, что должна сделать, с чего начать, но, несмотря на это, была полна решимости.

Для начала следовало вернуться в Россию. Находясь в Италии, я вряд ли смогу разбраться в тайнах нашего семейства, а после одного события мое намерение поскорее вернуться домой лишь окрепло.

Произошло это событие в конце мая. Я возвращалась от подруги, время было позднее, от дома, где она жила со своим бойфрендом, до общежития было недалеко, и я отправилась пешком. Я шла по пустынной улице, как всегда, погруженная в свои мысли, пока вдруг не ощутила чей-то настойчивый взгляд. Это чувство было настолько сильным, что я резко повернулась, не отдавая себе отчета в том, что делаю. Крытая галерея за моей спиной была совершенно пуста. И все-таки я знала: оттуда, где темнота сгущалась и становилась совершенно непроницаемой, кто-то смотрит на меня. «Я точно спятила», – подумала я с испугом, потому что неизвестно, что хуже: ожидать нападения или понять, что ты сумасшедшая и видишь то, чего нет. Впрочем, в тот момент я ничегошеньки не видела, но радоваться не спешила.

– Кто здесь? – спросила я громко.

Мой голос зловеще прозвучал под древними сводами, и я поежилась. Мне никто не ответил, что неудивительно. Постояв немного, я сделала еще несколько шагов и опять резко повернулась. Никого. Я бросилась бежать, и вот тогда... возможно, мне это все-таки показалось, но я была уверена, что слышу шорох за своей спиной. Галерея кончилась, я свернула за угол и замерла, привалившись к стене. Я ждала, стараясь не дышать, боясь, что тот, кто следил за мной, услышит. Мимо проехало такси, я перевела дух и вновь стала ждать. Но ничего не происходило. По неведомой причине мой преследователь не спешил за мной. Может, испугался проезжавшей машины?

Я очень осторожно выглянула из-за угла. Ко мне приближалась парочка, парень обнимал девушку, прижимая ее к себе, и что-то нашептывал.

– С ума сойти, – покачала я головой.

Парочка прошла мимо, а я, выждав еще немного, отправилась за ними, и почти сразу чувство, что за мной наблюдают, вернулось. Разумеется, оглянувшись, я никого не обнаружила.

– Все, пора к психиатру, – решила я, юркнула за ближайшую колонну галереи и замерла, прислушиваясь.

Шорох. Кто-то очень осторожно приближался. Я выглянула из-за колонны, уверенная, что опять никого не увижу, перспектива близкой встречи с психиатром казалась вполне реальной, и тут из темноты донеслось:

– Шла бы ты в свою общагу, в самом деле.

Признаться, я присела от неожиданности. Сказано это было по-русски, но, разумеется, вовсе не значило, что сие не слуховая галлюцинация, почему бы глюкам и не говорить на моем родном языке? Пялясь в темноту, я ущипнула себя за руку и без удивления поняла, что не сплю. Тут в голову пришла мысль об ангеле-хранителе.

– Эй, – робко позвала я. – Это вы?

– Я, я, – ответили из темноты.

От этого мне стало только хуже, вдруг я сама с собой разговариваю? Раздвоение личности, одним словом, шизофрения.

– Вы за мной следите? – вновь спросила я.

– Как ты мне надоела, – ответила темнота. – Иди уже.

– Слушайте, вы кто? – осмелела я и нарвалась:

– Конь в пальто.

Вполне предсказуемый ответ, но он ничего не прояснял. Я сама с собой говорю или там кто-то есть?

– Может быть, вы покажетесь? – не отставала я. – Какой смысл прятаться, если я все равно знаю, что вы здесь?

Я вновь осторожно выглянула и убедилась, что галерея пуста. Он молчал, а я не знала, что делать: еще поговорить в одностороннем порядке или двигать в общагу. И тут поняла, что рядом кто-то стоит. В тот же миг рот мне крепко стиснули ладонью, а потом просто выдернули меня из-за колонны. Теперь я стояла навтыжку, прижимаясь спиной к чьей-то груди, готовая скончаться от ужаса, и вместе с тем пришло странное облегчение: это не глюк. Человек, что держал меня, был из плоти и крови и даже имел запах, кстати, приятный. Я пыталась вспомнить название мужского парфюма, который казался ужасно знакомым, и вновь испугалась за свой рассудок: о том ли должна думать девушка в минуту смертельной опасности?

– Прекращай эту дурацкую игру в прятки, – шепнули мне в ухо, и теперь я была абсолютно уверена: это мой ночной гость, ангел-хранитель... чтоб ему! – Марш в общагу, – сказал он сурово. – И не вздумай оглядываться, дело кончится переломом конечностей.

Он разжал руки и легонько толкнул меня. Пролетев по инерции пару метров и притормозив, я первым делом обернулась, несмотря на предупреждение. И никого не увидела. Мужчина, скорее всего, просто скрылся за колонной. Я осторожно приблизилась и стала медленно обходить ее. Надо полагать, он делал то же самое, правда, шагов я не слышала, но я их и раньше не слышала, двигается этот тип совершенно бесшумно. Я резко повернула и шагнула в противоположную сторону, потом побежала, то и дело меня направление, пока не услышала смех из темноты. Судя по всему, парень находился довольно далеко от меня.

– До чего ж по-дурачки ты выглядишь, – сказал он, а я нахмурилась, хотя и вынуждена была с ним согласиться.

– Давайте поговорим, – предложила я и спросила, вспомнив предположение Дмитрия Сергеевича: – Вас отец послал?

– Ага, с того света.

– Я ведь серьезно. Почему бы вам мне все не объяснить? Зачем вы за мной ходите, ведь должен быть в этом смысл?

– Не хочу, чтобы ты отправилась вслед за отцом.

– Почему не хотите?

– По доброте душевной. Кстати, ты домой не собираешься? Мне здешние красоты уже поперек горла.

Я сделала еще пару шагов, очень рассчитывая на то, что мне удастся его разговорить. Но тут в галерее появилась группа молодых людей, я замолчала, ожидая, когда они пройдут. Они поравнялись со мной, и выяснилось, что мы хорошо знакомы, ребята тоже возвращались в общежитие. Я пыталась придумать предлог, чтобы не пойти с ними, но, пока думала, один из них подхватил меня под руку, и я, то и дело оборачиваясь, отправилась вместе с компанией.

Ночью я, по обыкновению, разглядывала потолок, совершенно уверенная в двух вещах: я не шизофреник, а гибель отца действительно связана с некой тайной, которую я смогу разгадать. Если повезет. Этот тип спросил, не собираюсь ли я домой, и имел в виду вовсе не общежитие, что лишь укрепило мое решение вернуться на Родину.

В аэропорту меня встречала Яна, рядом с ней стоял молодой человек, высокий, худой, длинные волосы падали ему на глаза, он то и дело их отбрасывал, наверное, поэтому создавалось впечатление, что он очень нервничает. Сестра рядом с ним казалась совсем маленького роста, на ней была короткая юбка и светлая блузка с рюшами, которая ей совершенно не шла. Яна была в том возрасте, когда любое замечание воспринимается в штыки, и я остерегалась давать ей советы. Наверное, ее мать помалкивала из тех же соображений. Я некстати поду-

мала, что Янка унаследовала от обоих родителей не самые лучшие черты: от Музы взбалмошность, от отца упрямство. От папы ей также достался высокий лоб и длинный нос, лицо отца он совершенно не портил, а вот сестре давал повод считать себя дурнушкой, хотя, с моей точки зрения, у нее была интересная внешность. Узкое лицо с небольшими, но выразительными глазами, маленький рот, который она неумело красила, стараясь сделать губы полнее. Янка была вспыльчивой, ленивой, заносчивой и не испытывала ни малейшего желания заниматься чем-то полезным. Учеба ей никогда не давалась, в восьмом классе ее собирались оставить на второй год, спасло лишь вмешательство отца. Школу она закончила в прошлом году, папа пристроил ее в институт на платное отделение, но и там она проявила абсолютное равнодушие к учебе, папа с сожалением говорил, что туристическому бизнесу, как видно, придется обходиться без Яны. Сестрицу по-настоящему интересовали лишь тряпки, в которых она ничего не смыслила, и парни, с которыми ей не везло. Отец возлагал на меня определенные надежды в том смысле, что я благотворно повлияю на нее. Я очень любила Янку, но сомневалась, что на нее кто-то серьезно способен повлиять.

Увидев их еще издали, я помахала им рукой, и через минуту Янка уже заключила меня в объятия.

– Наконец-то ты приехала, – сказала она, когда с поцелуями и приветствиями было покончено. Она нахмурилась, а я спросила:

– Как твои дела? – заподозрив, что меня ожидают плохие новости.

– Нормально, – отмахнулась Янка. – Кстати, это Юра. Мы вместе учимся.

Юра стоял рядом, с любопытством на меня поглядывая.

– Напрасно пыжишься, – добавила Янка с ноткой презрения в голосе, обращаясь к нему. – На таких, как ты, моя сестра внимания не обращает.

Парень смутился, что доставило ей удовольствие, я не знала, как себя вести в такой ситуации, и решила вовсе не реагировать на ее слова. Парень взял мой багаж, и мы направились к машине.

– Я скоро получу водительское удостоверение, – похвастала Яна. – Как только мне исполнится восемнадцать. Буду ездить на папиной машине, жду не дождусь. Я так рада, что ты приехала, – повторила она, поцеловав меня.

– Как чувствует себя Муза?

– Мама, по-моему, спятила, – вновь нахмурившись, ответила сестра. – У нее одна идея – поскорее выйти замуж. При этом она говорит, что папа – мужчина всей ее жизни. Мне кажется, она никогда его не любила.

– Перестань. Они были прекрасной парой, – ответила я. Вообще-то Муза из тех женщин, которые просто не способны любить кого-либо, но вряд ли отца это очень волновало, поэтому их брак вполне можно было назвать счастливым.

– С ней совершенно невозможно ужиться, – продолжала Янка. – Она точно спятила. Вчера нацепила короткую юбку и полдня вертелась перед зеркалом. Доставала меня разглаживаниями, что ноги у нее красивее моих. Говорят, многие бабы съезжают с катушек, когда начинается климакс, вот я и думаю, не спятила ли мамаша.

– Какой климакс? – буркнула я, косясь на Юру.

Он шел рядом, не особенно прислушиваясь к нашей болтовне, но я все равно подумала, что Янке стоило бы подождать с рассказами до тех пор, пока мы не останемся одни.

То, что жалоб не избежать, я отлично знала, причем мне предстоит выслушать еще и Музу. Мать с дочерью жили как кошка с собакой, наверное, потому, что были очень похожи.

– Меня тошнит, когда я слышу ее болтовню, – не утихала Янка. – Могла бы ради приличия подождать хоть год после смерти отца, как делают нормальные люди. Но она ненормальная. Пристает ко всем с просьбой найти ей мужа, даже не понимает, как это омерзительно.

тельно выглядит. Может, хоть при тебе присмирееет, – вздохнула сестра, а я подумала: «Это вряд ли».

– Почему вдруг такая спешка с замужеством?

– Потому что в голове у нее полный бардак. И под юбкой тоже. Она не в состоянии жить одна. Бедный папа, он заслуживал лучшей жены. Жду не дожусь, когда смогу уйти из дома.

– Куда уйти? – насторожилась я, трудно было представить Янку самостоятельным человеком.

– Да куда угодно, лишь бы не жить с ней вместе. Мы ведь должны получить наследство после папы, я потребую свою долю.

– На твоём месте я бы не стала ссориться с мамой, тем более из-за наследства.

– Тебе хорошо, у тебя была нормальная мать, а у меня эта чокнутая.

Мы наконец добрались до стоянки, где находилась машина, на которой приехали Яна с молодым человеком, довольно старенькие «Жигули». Янка, взглянув на них, сморщила нос. Машина принадлежала Юре, разумеется, он не соответствовал представлениям моей сестры о достойном молодом человеке, но если встречается она меня с ним, значит, никого другого на примете у нее нет.

– А как твои дела? – спросила Яна, когда мы устроились на заднем сиденье, а Юра завел машину.

– Ничего нового, – уклончиво ответила я.

– Они не нашли убийцу?

Я покачала головой.

– Если бы у меня были новости, я бы немедленно позвонила.

Янка кивнула, соглашаясь со мной.

До родного города на машине добираться надо часа два, всю дорогу Янка болтала без умолку, в основном жалуясь на мать, не стесняясь присутствия Юры и вроде бы вовсе не обращая на него внимания. Мы остановились перекусить в ресторане по дороге, но и за столом Янка продолжала болтать. Польза от этого была лишь одна: я не заметила, как пролетело время, и мы въехали в наш город.

– Наверное, я перееду в Москву, – оглядываясь с явным неудовольствием, заявила сестрица.

– Что ты будешь там делать? – вздохнула я.

– Какая разница? Здесь мне все ужасно надоело. Как думаешь, отец оставил нам много денег?

– Понятия не имею.

– Я думала, он был с тобой откровенен.

Замечание это показалось мне довольно странным, но в тот момент я не склонна была размышлять на эту тему. Когда умерла бабушка, мать папы, все ее имущество отошло мне, о чем она предупредила заранее. Отец с ее решением согласился. Соответственно, было оговорено, что на наследство отца я претендовать не буду, но он погиб неожиданно и завещания не оставил. Возможно, Муза опасалась, что я воспользуюсь ситуацией. Если так, то совершенно напрасно.

Мы подъехали к дому, где жила семья отца. Собственно, я могла остановиться в квартире бабки, квартирантов я предупредила заранее, и на днях они ее освободили. Но я решила, что переберусь туда только в том случае, если увижу, что и Муза, и Яна мне не рады. Если честно, такое казалось не особенно вероятным: и с Музой, и с сестрой у меня были очень хорошие отношения, однако, наслушавшись Янких рассказов, я подумала, что, возможно, мне придется жить отдельно.

– Ну вот, – сказала Янка, выходя из машины. – Сейчас начнется...

– Что ты имеешь в виду?

– Сама увидишь.

Юра вытащил мои вещи из багажника, Янка кивнула ему и направилась к подъезду.

– Спасибо вам большое, – поблагодарила я. – Может быть, зайдете к нам?

– Перебьется, – отозвалась Янка, открывая дверь.

– Извините, – промямлила я и пошла за ней. – По-моему, он неплохой парень, – со вздохом заметила я уже в подъезде.

– А по-моему, он идиот.

– Однако он оказал тебе услугу. И мне тоже.

– Ну и что? Подумаешь. Мне что теперь, из-за этого всю жизнь быть ему благодарной?

– Допустим, не всю жизнь, но ты могла бы вести себя вежливо.

– Он в меня влюблен, – хмуро сообщила Янка. – Это он так сказал. И сразу стал на тебя пялиться. По-твоему, это нормально?

– Он не пялился. Просто ему было любопытно...

– Да ладно. Я все вижу. Если такое ничтожество будет заглядываться на других, на фига он мне вообще сдался?

– Разумно, – пожала я плечами.

В этот момент дверь квартиры распахнулась, и я увидела Музу. Вот уж кто заслуживает отдельного описания, так это моя мачеха. Очень эффектная женщина без возраста. Пышные волосы ярко-рыжего цвета рассыпаны по плечам, зеленые глаза особенно хороши, полные губы и вздернутый носик, который она презрительно морщит по любому поводу. Правда, сейчас ее лицо украшала широкая улыбка. Ровные белые зубы придавали улыбке голливудский шик. Высокая, с великолепной фигурой, она несла себя так торжественно, что временами напоминала метрдотеля в дорогом ресторане. В правой руке неизменная сигарета, Муза держала ее, манерно отведя руку в сторону. На мачехе в настоящий момент был розовый пеньюар, почти прозрачный, и туфли на высоченных каблуках, она носила их даже в ванной, с презрением относясь к женщинам, предпочитавшим тапочки. Когда-то Муза закончила театральный институт, о чем вспоминала к месту и не к месту. На момент встречи с моим отцом играла в нашем драматическом театре, где ей доверяли роли без слов. Разумеется, она считала, что сие происходит из-за интриг и черной зависти коллег-бездарей. Мне не довелось ее видеть ни в одном спектакле, потому что вскоре после замужества театр она покинула. По мнению людей, хорошо ее знавших, актрисой она была никудышной, зато умудрилась превратить собственную жизнь в бесконечный спектакль. Моя бабка ее терпеть не могла и называла фигляркой. Разумеется, Муза платила ей тем же, звала старой ведьмой, которая, по ее мнению, просто выжила из ума. Однако при редких встречах они вели себя образцово, бабка обращалась к ней «милочка» с преувеличенной ласковостью, смахивающей на издевку, а Муза, соответственно, называла ее «матушкой» и тоже не без ехидства. Между двумя этими женщинами мужчина должен был чувствовать себя неудобно, но только не мой отец. Он то ли не замечал, то ли не желал замечать их взаимной неприязни, правда, на частых их встречах никогда не настаивал. Музе я была очень благодарна. Она не только не возражала против моего присутствия в доме, когда после смерти мамы отец решил, что я должна жить с ними, порой мне казалось, что ко мне она относится с большей теплотой, чем к собственной дочери.

– Слава богу, ты приехала, – сказала Муза, заключив меня в объятия. – Я совершенно извелась. Одни проблемы. Не хотела тебя загружать, пока ты была там, но теперь все сама знаешь.

– Какие проблемы? – насторожилась я.

– После смерти твоего отца вся моя жизнь – сущий ад. А некоторые словно нарочно стараются свести меня в могилу.

Янка при этих словах закатила глаза и буркнула себе под нос:

– Начинается.

Мы все еще стояли на пороге, я втащила багаж и дверь закрыла. Муза, наблюдая за этим, кивнула на Янку:

– Взгляни на свою сестрицу. Вырядилась в мою блузку. Без спроса. Хватает мои вещи, ведет себя по-свински. Представь, она требует от меня денег. Наследство отца. Ты выглядишь полной дурой, – заявила она дочери. – Сними сейчас же блузку, у тебя титек нет, чтоб ее носить.

– Зато у тебя всего в избытке, – фыркнула Янка, а я сразу же почувствовала себя дома, точно никуда и не уезжала.

– Не смей хамить матери, дрянь. Знаешь, она назвала меня старой бабой. А мне всего-то тридцать пять.

– Сорок два, – ядовито поправила Янка. – Mamочка с моими парнями заигрывает, совсем спятила.

– У тебя нет парней, и не выдумывай. Только этот прыщавый Юрик, к которому ты относишься по-хамски, впрочем, чего от тебя ждать. Сними блузку немедленно.

– Подавись, – стянув с себя блузку и швырнув ее в лицо матери, заявила Янка.

– Видела? – обрадовалась Муза. – Совершенная дрянь.

Янка удалилась в свою комнату, хлопнув дверью, а Муза, заметно повеселев, продолжала:

– Извини, я ничего не успела приготовить, задержалась в парикмахерской.

– Мы заехали в кафе.

– Вот и отлично. Идем пить кофе, я расскажу тебе о своем житье-бытье.

Мы устроились в просторной кухне, пока Муза готовила кофе, я осмотрелась и отметила, что с моего последнего появления здесь ничего не изменилось. Муза разлила напиток в две антикварные чашки и одну пододвинула мне. В этот момент появилась Яна, Муза принципиально не обращала на нее внимания, та налила себе кофе и села рядом со мной, хмуро глядя на мать.

– Должна тебе сказать, солнышко, – начала Муза, обращаясь ко мне, – наши дела совсем нехороши. Боюсь, все даже очень скверно. – При этих словах Яна презрительно фыркнула и отвернулась. – Эта дурочка возомнила, что отец оставил нам миллионы, требует свою долю, – ровным голосом продолжала мачеха. – Представляешь?

– Мамаша не хочет делиться, – буркнула Янка. – Впрочем, меня это не удивляет.

– Было бы чем делиться, – вздохнула Муза. – Последнее время дела отца шли из рук вон плохо. Ты знаешь, я никогда не вмешивалась, мало что в них понимая, и он был не любитель рассказывать, но наши доходы сократились, это я знаю точно. Отец нервничал, нам даже пришлось экономить, представляешь?

– Папа не купил мамаше шубу, – влезла Янка. – Здраво рассудив, что четыре манто вполне достаточно.

– Уймись, дура, – равнодушно бросила Муза. – Как бы нам не пришлось идти по миру. Я-то замуж выйду, а что будешь делать ты? Хоть бы пристроить ее какому-нибудь старому козлу, помешанному на малолетках, – с материнской печалью заметила она.

Янка слегка подпрыгнула, но нашла в себе силы сдержаться, что я сочла хорошим признаком: она взрослеет. Раньше в подобных случаях она убегала в свою комнату, закатывала истерику и грозила выпрыгнуть в окно.

Впрочем, такие сцены разыгрывались, только когда отец отсутствовал. При нем и Муза, и ее дочурка вели себя вполне сносно, язвили, конечно, но особо не увлекаясь. Музе были хорошо известны взгляды отца на семейную жизнь, и она не рисковала демонстрировать все грани своего таланта, справедливо опасаясь, что муж в один прекрасный момент ее бросит. Это было тем более вероятно, что она имела могущественного врага в лице све-

крови. Бабушка своего сына очень любила, что неудивительно – он был ее единственным ребенком и платил ей искренней привязанностью, хотя характер у бабули был скверный.

– Твоя бабка раз сто сказала, что бизнесмен из отца никудышный, – продолжала Муза, а я мысленно усмехнулась: забавно, что воспоминания о бабуле пришли к нам одновременно. – Я-то думала, она просто ворчит. Она ведь не в состоянии была сказать о ком-то доброе слово, – добавила Муза. – Наверное, боялась, что язык отсохнет, царство ей небесное. – Тут Муза перекрестилась, по-прежнему держа сигарету в руке. – Но, боюсь, она оказалась права. Дела шли прекрасно, пока старушенция была жива. Знаешь, мне кажется, отец только делал вид, что руководит всем, а на самом деле заправляла бизнесом бабка.

Такая мысль показалась мне фантастической: бабуля умерла в преклонном возрасте и, насколько я помню, никогда делами сына особо не интересовалась.

– В любом случае в последнее время ему не везло, – говорила мачеха. – Ко всему прочему у него появилась привычка играть, да-да, он увлекся игрой, мне это доподлинно известно.

Мы с Янкой переглянулись, та презрительно усмехнулась, демонстрируя свое отношение к мамашиному заявлению, я же не знала, как на это реагировать. Муза сама обожала игру в рулетку и могла спустить за вечер приличную сумму. Что, если ее страсть передалась отцу?

– Две недели назад ко мне явился тип с расписками, – вздохнула она. – Представь, отец задолжал ему двадцать тысяч баксов, пришлось отдать. Теперь я с ужасом жду, не появятся ли еще кредиторы. Чтобы расплатиться с этим негодяем, мне пришлось продать буфет, тот, что стоял в папиной комнате. Комната осиротела. Кошмар. Но это не самое страшное. Последнее время он охладел к своему бизнесу, Саша и в офисе-то появлялся всего на пару часов. Где пропадал все остальное время, остается лишь догадываться. Вместо него там заправлял Морозов, надеюсь, ты его помнишь, по-моему, вор и мерзавец. В любом случае он заявил мне на днях, что дела фирмы далеко не блестящи, ко всему прочему выяснилось, что отец часть бизнеса продал какому-то типу. Можешь себе представить такое? И теперь я там не хозяйка. Морозов советует продать свою долю этому жулику, но деньги дают смешные. Что я буду с ними делать, ума не приложу. Все, что мы теперь имеем, это квартира и две машины. Моя уже никуда не годится, ей четыре года, как раз в мае Александр собирался подарить мне новую и вдруг... – В этом месте Муза зарыдала, горько и вполне искренне. Оставалось лишь догадываться, оплакивает ли она мужа или машину, которую он так и не успел ей подарить.

– Интересно, куда делись деньги? – хмыкнула Янка, ни к кому не обращаясь.

Слезы на щеках ее матери высохли почти мгновенно.

– Какие деньги, дорогуша?

– Хочешь сказать, у отца не было денег в банке?

– На его личных счетах нет ни копейки, то есть четыреста пятьдесят три доллара, можешь взять их и ни в чем себе не отказывать.

– Спасибо, – зло улыбнулась сестра.

– Вот так обстоят дела, – вздохнула Муза. – Твой отец оставил нас в полном... в сложном положении, – вовремя поправилась она. – И я понятия не имею, что нам теперь делать.

– У меня есть немного денег, – пожала я плечами. – Из тех, что бабушка оставила мне на учебу. Можно продать ее квартиру...

– Ты прелесть, – погладив мою руку, сказала Муза. – Боюсь только, что нас это не спасет. Мне надо срочно выйти замуж. Проблема в том, что подходящую кандидатуру найти не так просто. Друзья твоего отца в этом смысле совершенно бесперспективны, а в нашем городе отыскать что-нибудь по-настоящему приличное... К тому же надо пристроить Янку. Она мне все нервы измотала, но я как мать озабочена ее судьбой. Подумай, может быть, кто-

то из твоих знакомых... если ты будешь рядом с ней, подскажешь и позаботишься о том, чтоб она не натворила глупостей, может, что и выгорит.

– Я прекрасно обойдусь без твоей заботы, – огрызнулась Янка.

– Без меня ты, может, и обойдешься, а вот без денег никто замуж тебя не возьмет. Дуру, уродину да еще и нищую?

– Спасибо, мамочка, – кивнула Янка, едва сдерживаясь.

– Пожалуйста.

– Ты сказала, что у отца появился компаньон? – не обращая внимания на очередную перепалку, заинтересовалась я. Ставить Музу и Янку в известность, зачем я, собственно, приехала, я не спешила. Вряд ли идея самостоятельно найти убийцу отца или, по крайней мере, понять, почему его убили, найдет у них понимание. Но все, что происходило здесь до его смерти, меня, конечно, весьма интересовало, а появление компаньона насторожило.

– Вот именно. Правда, всем там по-прежнему заправляет Морозов, тот еще тип. Не удивлюсь, если он как раз все и украл. А теперь делает вид, что весьма огорчен. Иуда. Он говорил, как зовут человека, которому отец продал часть своего дела, но я не запомнила. Впрочем, какая разница.

– Я бы хотела встретиться с Морозовым.

Муза посмотрела на меня очень внимательно, и что-то похожее на надежду появилось в ее взгляде.

– Надеешься разобраться в ситуации? Что ж, ты кое в чем похожа на свою бабу, может, у тебя и получится.

Я взглянула на часы, поднялась и сказала:

– Если не возражаете, я приму душ и отдохну немного.

– Конечно. У тебя будет время приготовить ужин? Правда, холодильник совсем пустой...

– Съезжу в супермаркет, он работает допоздна.

– Как я рада, что ты с нами, – со вздохом заметила Муза.

Я отправилась в комнату, которую считала своей. Я занимала ее в то время, когда жила в семье отца. Решив, что чемодан можно распаковать и позднее, я достала только самое необходимое и пошла в ванную. Вернувшись, застала в комнате Янку.

– Как думаешь, она все это выдумала? – спросила она, лишь только я закрыла за собой дверь.

– Не вижу смысла.

– Смысл есть. Захапать все деньги, оставив меня с носом. Отец не успел написать завешание, и я понятия не имею, что мне принадлежит.

– Вряд ли ей удастся все захапать, – пожала я плечами.

– Еще как удастся. Морозов с ней не связывается, шарахается как от гремучей змеи. А адвокат ее трахает. Чего ты морщишься, я это знаю точно, застукала их на днях. Мамаша просто так ничего не делает, и если решила кого-то к телу допустить, значит, видит в том выгоду.

– Ты не могла бы говорить о матери в более пристойных выражениях? – вздохнула я.

– Я не в состоянии понять, за что ты ее любишь? Ведь ты ее любишь? По мне, так я говорю о ней в очень мягких выражениях.

– Твоя мать хорошо ко мне относится. Я жила в вашей семье, и она никогда...

– О господи... Мамаша тогда уволила домработницу, решила сэкономить, и все по дому делала ты.

– Ну и что? Кстати, ты мне помогала.

– Ага. А мамаша лежала на диване, разглядывая потолок, и без конца дымила. Она задолжала домработнице и вчера ее уволила, ведь ты снова с нами. Так что мамочка совсем не изменилась.

– И все-таки она твоя мать.

– К несчастью. Слава богу, что у меня есть ты.

Янка подошла ко мне, и мы немного постояли обнявшись. Она, как и я, очень любила отца и, оставшись без него, конечно, страдала. Я подумала, что она могла бы мне помочь.

– Расскажи, что происходило здесь перед гибелью папы, – попросила я.

– В каком смысле?

– Ведь его убили... Должна быть какая-то причина.

– Ах, вот что... Жанна, я не знаю, ей-богу, ничего не знаю. Все было как обычно. Правда, в последнее время отец действительно пропадал где-то, в смысле, поздно возвращался. Сидел в своем кабинете с какими-то бумагами. Иногда уезжал на пару дней. Мамаша даже начала беситься, думала, у него любовница. Потом вдруг выяснилось, что он ходит на курсы немецкого.

– Он объяснил почему?

– Сказал, что в институте мало уделял ему внимания, о чем сейчас жалеет. Представляешь?

– Что, если у него были какие-то связи с немцами и он рассчитывал на то, что знание языка пригодится?

– Ничего подобного он не говорил. Мы с матерью решили, что это просто блажь. Потом я застала его с какой-то книжкой на немецком. Что-то такое про войну, кажется, воспоминания. Папа сказал, что совершенствуется в языке.

Это показалось мне интересным, я вспомнила слова отца во время нашей встречи, он тогда сказал, что мне, возможно, придется ему помочь, ведь я свободно владею немецким. В чем должна была заключаться моя помощь? И те типы в лодке говорили по-немецки. Если мне удастся узнать, по какой причине он стал вдруг интересоваться языком...

– Слушай, мне кажется, его убили просто так, ну, случайно, – помедлив, сказала Янка. – Да и вообще... нам не разобраться.

– Почему ты так считаешь? – спросила я.

– Потому что... все ужасно глупо. Его смерть, какой-то конверт... Там небось были деньги, кто-то узнал об этом, и папу ограбили.

– Ничего подобного. Это отец заплатил старику за какие-то бумаги. И назвал мне имя человека, которого считал своим врагом и нашим, кстати, тоже. Он так и сказал: «И твой враг». Если мой, значит, и твой.

– Макс фон Ланц? Идиотизм. Какое этому Ланцу дело до нашего отца?

– Но ведь имя немецкое. А ты говоришь, папа стал ходить на курсы. (Янка нахмурилась, размышляя.) К тому же, – я запнулась, не зная, стоит ли рассказать ей о моем приключении в Венеции. И в конце концов решила: стоит. – В мой номер влез какой-то тип. Я по чистой случайности оказалась в тот момент в ванной, выбралась через окно и смогла его выследить. Его ждал приятель в лодке, между собой они говорили по-немецки. Они что-то искали в моих вещах, это я поняла из их разговора. Теперь тебе ясно? Я не могу считать внезапное увлечение отца просто блажью.

– Ничего себе, – ахнула Янка. – Ты должна мне все подробно рассказать.

На подробный рассказ ушло минут двадцать, сестрица без конца меня перебивала, засыпая вопросами. О моем ангеле-хранителе я промолчала. Почему, я в тот момент и сама толком не знала. Мне самой эта история казалась совершенно нелепой, и я боялась, что Янка чего доброго решит, будто я попросту спятила. В этом не было бы ничего удивительного, раз я сама сомневалась в своем здравомыслии.

– Ты хочешь найти убийцу отца? – когда с рассказом и ответами было покончено, спросила она.

– Конечно. А ты нет?

Она пожала плечами.

– Если честно, я об этом не думала, то есть мне казалось, что этим должен заниматься кто-то другой. Но теперь... Я тебе помогу, я очень хочу тебе помочь. Жаль, что я ничего не знаю... Так обидно, ведь я могла поговорить с папой. Слушай, но при чем здесь какие-то немцы? – И вдруг огорошила меня: – А вдруг это она?

– Кто – она? – нахмурилась я, пытаюсь сообразить, куда это занесло сестрицу.

– Мамаша, естественно.

– Ты спятила! Зачем Музе убивать отца?

– Чтобы захватить наследство. Ладно, не злись, это я так, для примера. Как думаешь, он нам действительно ничего не оставил или она врет, по обыкновению?

– Не знаю, – пожала я плечами.

– Будет очень обидно, если мамаша оставит меня с носом. А ты не вздумай ей деньги давать. Ты же знаешь, ей сколько ни дай... Бабка оставила наследство тебе, так что будет несправедливо, если мамаша начнет им пользоваться, старуха в гробу перевернется, она нас терпеть не могла.

– Тебя она любила, – возразила я.

– Нет, не любила. Это из-за мамыши, такая кого хочешь достанет, так что я на бабу не в обиде. Но как ты собираешься найти убийцу отца? – вновь задала вопрос Янка.

Отвечать я не торопилась, потому что ответа не знала, мои действия на ниве следствия виделись мне с трудом, но признаваться в этом Янке все же не хотелось, и я заговорила несколько уклончиво, зато с весьма уверенным видом:

– Первое, что надо выяснить, – мотив преступления.

– Да, это точно, – кивнула Янка и тут же загрустила: – А если это все-таки ограбление?

– Забудь об этом, бумажник отца не взяли, и с какой это стати тогда тем типам лезть в мой номер?

– Это верно.

– Если мы будем знать, кому была выгодна смерть папы, найти убийцу будет нетрудно.

– Но ведь папа погиб в Италии. Или ты думаешь... Я бы все-таки мамашу имела в виду... Хорошо, как знаешь.

– Надо постараться собрать как можно больше сведений о последних месяцах жизни отца. И непременно выяснить, с какой стати он вдруг так увлекся немецким. Может, тогда и об этом фон Ланце удастся что-то узнать.

– Хорошо. Когда начнем?

– Завтра, – улыбнулась я. – А ты постарайся вспомнить...

– Да-да, – перебила меня Янка. – Я попробую. Жаль, что мы с папой так мало общались в последнее время. Я вот что подумала, – после паузы произнесла сестра. – Он так тебя любил... и доверял тебе... он ведь всегда с тобой советовался, верно?

– Ты преувеличиваешь.

– И все-таки странно, что он ничего тебе не рассказал.

– Выходит, у него были на то причины. Думаю, папа не опасался за свою жизнь, иначе действительно хотя бы в общих чертах посвятил меня в суть проблемы. Ладно, идем в магазин. Надо подумать об ужине.

Мысль о собственном расследовании очень увлекла мою сестру, весь вечер она многозначительно со мной переглядывалась, что не могло не насторожить ее мать. Я уже начала жалеть о том, что так неосмотрительно все ей рассказала: вносить еще больший разлад в семью я не планировала, оттого и злилась на себя за свою болтливость. Но уже на следу-

ющий день Янка заметно охладела к расследованию, по крайней мере, особого усердия не проявляла.

Утром, проснувшись часов в восемь, я приготовила завтрак и, пока Муза с Янкой спали, позвонила Морозову.

– Рад, что ты приехала, – сказал он мне. – Появился хоть один здравомыслящий человек в этом семействе. Если честно, чертovy бабы мне порядком надоели.

Мне бы прыгать до потолка от всеобщей радости по поводу моего приезда, но последнее замечание Морозова вызвало у меня тяжкий вздох. Мы договорились встретиться через два часа, я позавтракала в одиночестве и подумала, что до встречи с Морозовым могла бы немного прогуляться, и вместо того, чтобы вызвать такси, отправилась в офис пешком.

День был солнечный, оттого моя идея показалась мне едва ли не гениальной, минут двадцать я гуляла в парке по соседству, размышляя, с кем из знакомых отца стоит встретиться в первую очередь, и вдруг загрустила. В Италии собственное расследование представлялось мне не только возможным, но и вполне осуществимым, теперь я сообразила, что это будет совсем нелегко. Наверное, потому, что я понятия не имею, с чего его начинать. Вчерашний разговор с Музой и Янкой укрепил меня во мнении, что в жизни отца все было не так просто и ясно, как мне казалось все эти годы. У него были тайны, о существовании которых я и не подозревала. Хватит ли у меня сил осуществить задуманное? Я погнала эти мысли прочь, но они становились все настойчивее.

Чтобы окончательно не впасть в уныние, я решила поехать в офис, вышла к троллейбусной остановке и неподалеку увидела машину Музы. Она была припаркована рядом с кофейней, что, признаться, вызвало у меня недоумение. Обычно Муза раньше двенадцати из спальни не появлялась, и тот факт, что я вижу ее машину, не укладывался в голове. Должно было случиться что-то поистине невероятное, чтобы заставить ее изменить своим привычкам. У меня даже возникла мысль: а не угнали ли ее автомобиль? В общем, я направилась в кофейню, чтобы проверить свои догадки.

Открывалось заведение в десять, в нем было два зала, и в тот момент посетителей оказалось немного, строго говоря, в первом зале их вообще не было. Я пересекла его и заглянула в соседний зал. Здесь столики были отделены друг от друга высокими перегородками, и в первый момент Музу я не увидела, зато услышала ее голос.

– Не валяйте дурака, – сказала она довольно громко. – Должны быть какие-то способы.

Я замерла на месте, не зная, что делать дальше. Судя по голосу, Муза находилась за ближайшим ко мне столиком. Соответственно, ничто не мешало мне уйти, раз я убедилась, что с машиной полный порядок, никто ее не угонял и хозяйка находится по соседству. Но разбирало любопытство, с кем Муза решила встретиться в столь неподходящее для нее время? Чего проще – подойти к ней и объяснить все как есть: я пошла к Морозову, увидела машину, удивилась и даже испугалась, не позаимствовал ли ее кто-нибудь, а заодно взглянуть, с кем она там сидит. Но что-то меня удерживало. Возможно, мысль о том, что Муза хотела сохранить эту встречу в тайне.

Я быстро огляделась и направилась к туалету. Проход от стойки бара отделяла деревянная ширма, за ней я и устроилась. Теперь и Музу, и ее спутника я видела хорошо, а они меня видеть не могли, по крайней мере, до тех пор, пока одному из них не придет охота пройти до туалета. Но был один существенный минус: отсюда я не слышала их разговор, а он представлялся мне весьма занимательным. Прежде всего меня заинтересовал спутник Музы. Мужчина лет сорока пяти, одетый в поношенные джинсы и трикотажную рубашку, на ногах стоптанные туфли. В целом вид у него был неряшливый, он напоминал тех опустившихся мужиков, которые на старости лет пребывают в одиночестве, злясь на соседей, случайных прохожих и общаясь в основном с собакой или кошкой. Он не был похож на пьяницу, но на неудачника – вне всякого сомнения. Предположить, что это кандидат в мужья,

было невозможно, просто знакомый – тоже. Муза тщательно выбирала знакомых, я могла допустить только одно: их связывает какое-то дело, но, если учесть, что у мачехи вовсе не было никаких дел, мужчина оставался загадкой. Оттого мне так и хотелось подслушать их беседу. Любопытство мое лишь увеличилось, когда я увидела, что Муза протягивает мужчине деньги. Он поспешно убрал их в карман джинсов, сказал что-то, поднялся и ушел, кивнув ей на прощание. Муза осталась сидеть, глядя перед собой и помешивая ложечкой кофе, абсолютно поглощенная своими думами. Я решила, что вполне могу подойти к ней и, если повезет, узнать, с кем она только что встречалась. Я уже сделала шаг, когда Муза вдруг резко поднялась, схватила свою сумку и направилась к выходу. Я подумала ее окликнуть, но тогда мне было бы непросто объяснить ей, что я делаю за ширмой, и, выждав полминуты, я отправилась следом за ней.

Муза вышла на улицу и теперь открывала дверь своей машины, а я, стоя на ступеньках кафе, громко позвала:

– Муза!

Она испуганно повернулась, но, увидев меня, улыбнулась.

– Жанна? Откуда ты здесь взялась? – спросила она, я спустилась к ней по ступенькам.

– Хотела выпить кофе и увидела тебя.

– Вот как... Решила прогуляться?

– Я звонила Морозову. Мы должны встретиться, но время еще есть, успею выпить кофе, составишь мне компанию?

– Я тороплюсь к портнихе...

– Жаль. А что ты здесь делаешь? – спросила я с улыбкой. Вопрос вызвал у нее замешательство, и стало ясно: правду говорить она не намерена, а что соврать, не знает. Мачеха нахмурилась и махнула рукой:

– Так... Если хочешь, я отвезу тебя к Морозову, – вдруг предложила она.

– А как же портниха?

– Успею.

Она кивнула мне, села за руль, и я устроилась на сиденье рядом. Я-то надеялась разговаривать ее по дороге, но Муза не была расположена к разговорам.

– Значит, вы договорились с ним встретиться? – наконец спросила она. – Мне кажется, ты только зря потеряешь время.

– Они дружили с папой, – пожалала я плечами.

– Дружили, – фыркнула она презрительно. – А теперь он готов пустить нас по миру. Я все-таки не очень понимаю, о чем ты с ним намерена говорить. – В ее голосе чувствовалось беспокойство, это меня удивило и, конечно, увеличило мое любопытство. В семействе явно что-то происходило. Конечно, Муза озабочена наследством... а если дело не столько в нем, сколько... Могла ли Муза иметь отношение к убийству отца? Нет, это совершеннейшая нелепость. Прежде всего, я не видела мотива, опять же, ее существование без него обрас- тало различными трудностями, в основном финансового характера, а Муза терпеть не могла трудности, особенно финансовые.

Я пожалала плечами, сообразив, что она ждет от меня ответа.

– По-моему, ты к нему несправедлива.

– Разумеется, – она презрительно фыркнула. – Что бы он ни наплел тебе, ничему не верь. Ты же понимаешь, когда речь идет о деньгах, даже старые друзья торопятся предать. Он готов на что угодно... Ладно, молчу, а то получается, что я настраиваю тебя против этого типа. Уверена, он поспешит вылить на меня ведро грязи, даже не ведро, а несколько ушатов. Хочу тебя предупредить, дорогая, после смерти твоего папы многое переменилось, и отношение его друзей тоже. Так что будь осторожна, не принимай слова на веру.

– Я не очень понимаю, о чем ты? – нахмурилась я.

– Поймешь, – кивнула Муза. В этот момент мы как раз подъехали к офису, она лихо затормозила и взглянула на меня.

– Что ж, иди.

– Может, пойдем вместе? – на всякий случай предложила я.

– Ну уж нет, мы и так видимся с ним слишком часто.

Нежелание Музы говорить о том, что она делала в кафе, показалось мне странным, она довольно болтлива, выходит, у нее появились тайны. Размышляя над этим, я вошла в офис и длинным коридором направилась к Морозову. Справа был кабинет, который раньше занимал отец. Табличку с двери успели снять, и это вызвало у меня неприятное чувство.

Секретарь отца, дама лет пятидесяти, теперь перебралась в приемную по соседству, дверь была открыта, и мы увидели друг друга одновременно.

– Здравствуйте, – улыбнулась я. – Андрей Ильич не предупредил вас?

– Он сейчас занят. Присаживайся. Хочешь кофе?

– Нет, спасибо.

Я устроилась на кожаном диване, поглядывая на дверь кабинета Морозова. Оттуда доносились приглушенные голоса.

– Это такой удар для всех нас, – вздохнула Валентина Петровна. – Я имею в виду смерть твоего отца. Мы до сих пор не в состоянии поверить в это...

– Я тоже.

– Удалось что-нибудь выяснить? – спросила она нерешительно, а я покачала головой.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился тучный мужчина в сопровождении Морозова. Судя по их лицам, разговор обоим не доставил удовольствия. Мужчина, не обращая на меня внимания, удалился, а Морозов подошел ко мне и улыбнулся. Улыбка получилась какой-то вымученной. Вообще его вид оставлял желать лучшего, чувствовалось, что он раздражен, а еще очень устал. Под глазами мешки, в волосах появилась седина, которую я раньше не замечала.

– Здравствуй, – сказал Андрей Ильич, я поднялась, и мы обнялись. – Идем ко мне, – предложил он, и мы вместе вошли в кабинет.

Морозову было лет сорок, у отца он работал довольно давно, чем занимался до этого, я понятия не имела, но знала, что папа очень хорошо к нему относился. Мне Морозов всегда нравился, он был, что называется, душой компании, веселым, приятным человеком, но теперь было видно: с весельем у него проблемы, что неудивительно.

– Садись, – кивнул он мне на диван и сам устроился рядом. – Вчера прилетела?

– Да.

– Как тебя встретили?

– Ты имеешь в виду Музу? – Мы с ним были на «ты», сейчас я затруднялась припомнить, как это произошло, но инициатива, разумеется, исходила от него.

– Конечно, – кивнул он и досадливо поморщился. – Небось она сказала, что я вас обво-
ровываю?

– Мы еще не успели поговорить как следует, – уклончиво ответила я.

– Значит, скажет.

– По-моему, она рада моему приезду, – ответила я на его вопрос.

– Еще бы. Ей нужны деньги. Она же ни черта не понимает... – он махнул рукой. – Надеется, что ты станешь ее дойной коровой. Послушай моего совета: денег ей не давай ни в коем случае, что бы она тебе ни говорила. Она промотает все, оставив тебя без копейки.

– Бабушка завещала мне двадцать тысяч долларов. Отец помогал ей, а она жила очень скромно и откладывала мне на учебу. Они так и лежат на моем счете, отец сам платил за мою учебу, к тому же я все эти годы работала, в общем, вполне обойдусь без этих денег. Бабушкина квартира мне тоже не нужна, так что...

– Вот-вот, – усмехнулся Морозов. – Она спустит все эти деньги за пару месяцев. Поверь, твое намерение очень бы не понравилось отцу и уж совсем бы не понравилось бабке.

– Муза сказала, у отца были долги, – вздохнула я.

Морозов кивнул, нахмурившись, лоб перерезали морщины, сделав его лицо не просто уставшим, а изрядно постаревшим и измученным.

– Она сказала, что папа увлекся игрой...

– Черт, – буркнул Андрей Ильич, вскочил и нервно прошелся по кабинету. – Вот мерзкая баба... Все это вранье, – махнул он рукой. – Никакой игрой он не увлекался. Она разорила его, понимаешь, разорила. Ей нужно было только одно: деньги. Как можно больше денег. Диву даюсь, куда она спустила такую прорву... Впрочем, зная ее привычки...

– Так она это выдумала? – растерялась я. – Она сказала мне, что пришлось платить по долгам отца...

– Это ее долги. И бог знает, сколько еще она должна. – Морозов вздохнул, вернулся к дивану и вновь сел рядом. – Твой отец ее любил. В это трудно поверить... я хочу сказать, невозможно представить, что такой человек, как он, умный, порядочный, сдержанный, настолько увлекся этой бабой... Он как будто ничего не видел и не понимал. До его гибели я и представить не мог, как скверно обстоят дела. Ты знаешь, я ведь наемный менеджер, финансами всегда занимался твой отец. И только когда его не стало... На счетах фирмы нет денег, попросту нет. Мы банкроты. Он пытался спасти положение, но... если бы он ввел режим строжайшей экономии, но с этой чертовой бабой такое попросту невозможно. Он брал один кредит, другой, а деньги уходили неизвестно куда. Я бы бросил все хоть сейчас, если бы не обязательства перед другими людьми и еще, конечно, дружба с твоим отцом. Я обязан спасти хоть что-то и помочь его семье, как бы я к ним ни относился.

– Муза сказала, у папы появился компаньон? – вздохнула я.

Морозов нахмурился еще больше и кивнул.

– На самом деле он продал ему часть бизнеса, и в том числе вот это офисное здание. Больше у него ничего уже не было, понимаешь? Я уверен, он был должен этому человеку деньги и пошел на этот шаг, чтобы тот не требовал долг немедленно. Но формально они были компаньонами, и этот человек теперь тоже в очень неприятной ситуации, вполне возможно, все пойдет с молотка за долги.

– Кто этот человек? – спросила я.

– Его фамилия Самойлов, я его ни разу не видел, встречался только с адвокатом, тот еще хлыщ. Конечно, я сделаю все возможное, но... если бы Муза хотя бы понимала, что происходит... Вместо этого твоя чокнутая мачеха каждый день звонит мне и требует денег, как будто я ей муж, и еще распускает грязные сплетни. Ладно бы только обо мне, но... если ее послушать, так твой отец игрок и мот.

– У итальянской полиции, по-моему, есть только одна версия гибели папы: его бизнес, – помедлив немного, заговорила я. – Мне это представлялось сомнительным, но теперь... Что ты скажешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.